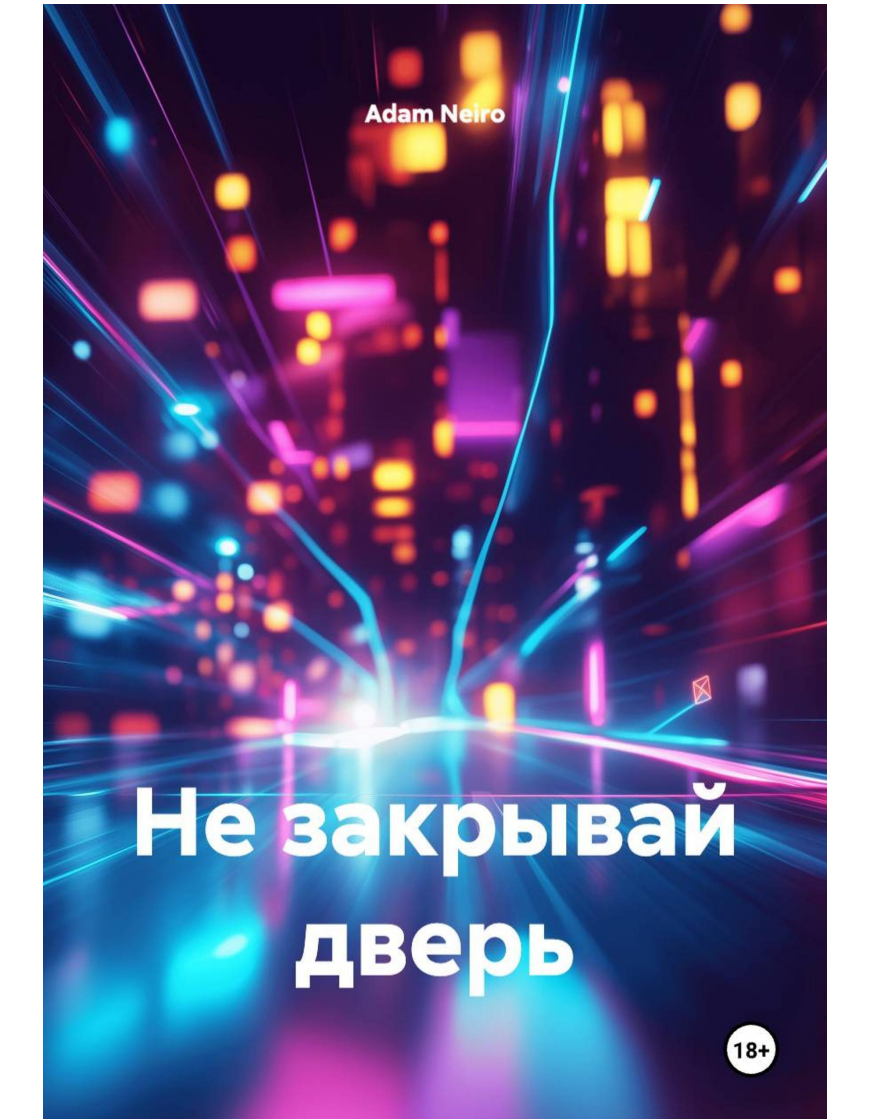

Adam Neiro

Не закрывай дверь

18+

Adam Neiro

Не закрывай дверь

<https://litres.ru/74508198>

SelfPub; 2026

Аннотация

Тебе двадцать три. Ты врач, привыкшая доказывать, что возраст не определяет профессионализм, а самостоятельность — не временная стадия, которую однажды придётся обменять на чью-то заботу.

Марк Воронцов старше, влиятельнее и слишком привык решать проблемы быстро. Он умеет брать ответственность, удерживать под контролем огромную компанию и добиваться своего. Рядом с ним легко почувствовать себя защищённой — и почти так же легко обнаружить, что защита начинает становиться решением за тебя.

Это история не о том, сможет ли сильная женщина позволить себе любовь.

А о том, можно ли открыть дверь другому человеку и всё-таки оставить за собой право решать, когда она должна оставаться открытой.

Adam Neiro

Не закрывай дверь

НЕ ЗАКРЫВАЙ ДВЕРЬ

Книга первая

Глава первая

Первый пациент

— А врач скоро придёт?

Ты уже почти надела вторую перчатку. На секунду останавливаешься. Мужчина в кресле смотрит не на тебя, а куда-то тебе за плечо — туда, где, по его представлению, должен появиться настоящий стоматолог. Возрастом старше. Желательно мужчина. Желательно с усталым лицом человека, который удалил столько зубов, что давно перестал испытывать чувства.

Ты подтягиваешь перчатку на запястье.

— Уже пришёл.

Мужчина переводит взгляд на тебя.

— Вы?

— Я.

Он смотрит ещё секунду. Потом на бейдж. Потом снова на тебя. Ты знаешь этот маршрут глазами. Сначала лицо. Потом бейдж. Потом дипломы на стене. Потом лицо ещё раз.

Некоторые пациенты после этого всё равно спрашивают:

— А сколько вам лет?

Ты не любишь этот вопрос. Не потому, что скрываешь возраст. Тебе двадцать три. Почти двадцать четыре. Просто ни один пациент ещё не спросил у седого врача из соседнего кабинета, сколько ему лет, прежде чем позволить ему приблизиться к своему рту с вращающимся инструментом.

— Двадцать три, — говоришь ты заранее.

Мужчина моргает.

— Я не спрашивал.

— Но собирались.

Медсестра у стены опускает голову, пряча улыбку. Пациент тоже усмехается. Напряжение спадает. Это хорошо. Когда человек улыбается, он хотя бы на минуту перестаёт представлять, как ты сейчас просверлишь ему голову насквозь.

— Ладно, доктор, — говорит он. — Смотрите.

Доктор.

Не девочка. Не девушка. Не «а врач придёт?». Ты нажимаешь кнопку, кресло медленно опускается.

— Открывайте.

Зуб выглядит хуже, чем на снимке. Старая пломба. Под ней глубокий кариес. Боль началась три дня назад, но мужчина терпел, потому что надеялся, что «само пройдет». Люди вообще любят надеяться, что зубы способны участвовать в чудесах. Ты работаешь спокойно. По крайней мере снаружи. Внутри идёт другой разговор.

Глубоко.

Ещё немного.

Не торопись.

Следи за дном.

Не полезь туда, куда не нужно.

Руки у тебя не дрожат. Это самое странное. В первые месяцы работы ты была уверена, что в сложной ситуации тело обязательно выдаст страх. Пальцы задрожат. Сердце будет видно через халат. Голос изменится. Ничего подобного. Сердце может колотиться. В голове могут одновременно жить десять плохих сценариев.

А руки всё равно делают то, чему их учили. Именно тогда ты впервые поняла, что профессионализм иногда выглядит не как отсутствие страха. Как способность оставить страх внутри и не дать ему добраться до пальцев.

— Больно? — спрашиваешь.

Пациент отрицательно мычит.

— Отлично.

Медсестра подаёт инструмент. Ты работаешь дальше. Через сорок минут мужчина сидит уже вертикально и осторожно проводит языком по восстановленному зубу, будто проверяет твою работу своим самым точным диагностическим прибором.

— Всё?

— Всё.

— И нерв не удаляли?

— Не пришлось.

Он выглядит довольным, хотя ещё час назад явно считал, что перед ним студентка, которая случайно забрела в кабинет.

— Хорошо сделали.

Ты снимаешь перчатки.

— Спасибо.

— Честно, сначала думал попросить другого врача.

— Я заметила.

Он смеётся. Потом встаёт. У двери оборачивается:

— Не обижайтесь.

— Не обижаюсь.

И это почти правда. Когда дверь закрывается, медсестра Нина наконец смеётся.

— «А врач скоро придёт?»

— Хватит.

— Надо было сказать: сейчас позову.

— Я тебя уволю.

— Ты не можешь.

— Тогда перестану покупать тебе кофе.

Нина становится серьёзной.

— Это уже нарушение трудовых прав.

Ты улыбаешься и садишься к компьютеру заполнять карту. Именно в такие моменты тебе нравится твоя жизнь. Не вся. Но вот эта часть — очень. Чистый кабинет. Белый свет. Запах перчаток, антисептика и чего-то мятного. Снимки на

экране. Работа, где результат можно увидеть. Было разрушено. Стало восстановлено.

Болело. Перестало. Есть что-то почти утешительное в профессии, где проблема хотя бы иногда помещается на одном снимке. В жизни всё хуже. Там редко можно показать пальцем: вот здесь причина. Просверлить. Очистить. Заполнить пустоту. И отпустить человека домой. Телефон вибрирует в кармане. Ты не смотришь сразу.

Рабочий день ещё не закончен. Остаётся четыре пациента. Один ребёнок. Одна женщина на профессиональную чистку. Мужчина, которому ты неделю назад лечила канал. И последний — первичная консультация. Ты открываешь карту следующего пациента. В кабинет заглядывает Даниил.

— Жива?

Ты не поднимаешь головы.

— Нет.

— Жалко.

— Тебе чего?

Он входит без приглашения. В зелёной хирургической форме, маска спущена на шею. Волосы немного растрёпаны после шапочки. Даниилу двадцать девять, и он относится к тому типу мужчин, которым медицина несправедливо добавляет привлекательности. Без формы он красивый. В форме — подозрительно красивый. Особенно для человека, который половину дня смотрит внутрь чужих ртов.

Он ставит рядом с клавиатурой бумажный стаканчик.

— Кофе.

Ты смотришь на стакан. Потом на него.

— Я не просила.

— Именно поэтому это называется хороший поступок.

— Или попытка потом что-то попросить.

— Мне нравится, как жизнь уничтожила твою способность верить в добро.

— Что тебе нужно?

Он кладёт ладонь на грудь.

— Вот теперь больно.

— Даниил.

Он улыбается.

— Снимок посмотреть.

Конечно.

— Какой?

Он уже разворачивает планшет. Подходит ближе. Наклоняется рядом. Ты ощущаешь запах его парфюма, смешанный с чем-то медицинским. Знакомый запах. Очень. Слишком.

— Здесь, — говорит он.

Вы оба смотрите на снимок.

— Видишь?

— Вижу.

— Что думаешь?

Ты увеличиваешь изображение.

— Я бы не трогала пока.

— Почему?

Объясняешь. Он слушает. Не перебивает. Это одна из причин, почему тебе нравится с ним работать. Даниил может быть самоуверенным, невыносимым, иногда слишком весёлым в семь утра, но когда речь о пациенте, он становится серьёзным мгновенно.

— Тоже думаю, — говорит он.

— Тогда зачем спрашивал?

— Хотел убедиться.

— У хирурга появилась неуверенность?

— Только рядом с тобой.

Ты поднимаешь взгляд. Вот так он делает постоянно. Бросает фразу. Не настолько прямую, чтобы пришлось отвечать. Но достаточно прямую, чтобы ты её заметила.

— Снимок заberi.

— Уже выгоняешь?

— У меня пациент через три минуты.

Он забирает планшет. Кофе оставляет. У двери поворачивается.

— Сегодня вечером придёшь?

— Куда?

— Мы собираемся.

— Кто «мы»?

— Я, Рома, Маша, ещё кто-то. Нормальные люди после работы.

— Очень узкий круг.

— Тебя можем взять как эксперимент.

— У меня планы.

— Какие?

— Личная жизнь.

Даниил приподнимает брови.

— Появилась?

Ты улыбаешься.

— Поэтому она и личная.

Он смотрит секунду дольше.

— Ладно.

Уходит. Нина входит сразу после него. Ты даже не поворачиваешься.

— Нет.

— Я ничего не сказала.

— Но собиралась.

— Он носит тебе кофе.

— Он всем носит кофе.

— Мне не носит.

— Может, ты ему не нравишься.

— Я замужем.

— Вот видишь.

Нина делает вид, что оскорблена.

— Семейное положение теперь повод лишать человека кофе?

— Пациента веди.

Ты всё-таки пьёшь. Кофе именно такой, как любишь. Без сахара. Немного молока. Даниил знает. И это не должно ни-

чего значить. Но иногда именно мелочи и значат больше всего. Следующие два часа проходят быстро. Ребёнок плачет до лечения и перестаёт плакать раньше матери. Женщина на чистке рассказывает про развод так подробно, будто ты дополнительно работаешь семейным консультантом.

Мужчина после эндодонтии задаёт двадцать вопросов, девятнадцать из которых уже задавал неделю назад. Последний пациент опаздывает. Ты выходишь из кабинета в семь сорок. Спина болит. Плечи тоже. Есть хочется так, что начинаешь смотреть на автомат с батончиками как на полноценный ресторан. В комнате персонала открываешь телефон.

Двадцать три уведомления. Три рабочих. Пять из общего чата клиники. Остальные — подруги. Название вашей переписки меняется примерно раз в месяц. Сейчас она называется:

«Нормальные женщины»

Название предложила Лера. Мира сразу написала: *«Тогда ты не проходишь»*.

Лера: «Поэтому мне можно говорить объективно».

Ты открываешь. Мира прислала фотографию огромного холста. Что-то тёмно-синее, чёрное, немного красного. Лера написала:

«Похоже на моё давление после ночной смены».

Соня: «Мне нравится».

Мира: «Спасибо, Соня. Хоть один культурный человек».

Лера: «Она школьный психолог. Она профессионально».

поддерживает неудачные попытки самовыражения».

Мира: «Умри».

Лера: «На смене не разрешают».

Ты улыбаешься.

Пишешь: «Красиво».

Мира отвечает почти моментально: «ТЫ ЖИВА»

Следом: «Сегодня приезжай ко мне».

Соня: «Она говорит это потому что ей надо помочь повесить три картины».

Мира: «Клевета».

Через секунду: «Но молоток возьми».

Ты отвечаешь: «После восьми».

Потом видишь пропущенный от матери. Улыбка исчезает. Не полностью. Просто становится тише. Ты смотришь на время звонка. Шесть двадцать. Мать редко звонит во время твоей работы, если ничего не случилось. Ты перезваниваешь. Она отвечает после второго гудка.

— Ты закончила?

— Да. Что случилось?

— Почему сразу случилось?

— Потому что ты звонила в шесть.

— Отец опять машину взял.

Ты закрываешь глаза.

— Мам.

— Я ничего не говорю.

Но голос говорит всё.

— Ему можно водить.

— Я знаю, что можно.

— Тогда?

— Ничего.

То самое семейное «ничего», в котором слишком много всего. Ты выходишь из комнаты персонала и идёшь в пустой коридор.

— Куда он поехал?

— На работу.

— Он ездит на работу каждый день.

— Обычно на такси.

— Сегодня решил сам.

— Да.

Мать говорит это так, будто отец не сел за руль, а повторно совершил преступление. Ты прислоняешься плечом к стене. Прошло почти пять лет. Пять лет, два месяца и какое-то количество дней, которые ты давно перестала считать. Иногда кажется, что много. Иногда — что авария произошла на прошлой неделе. Твой брат сидел рядом.

Отец был за рулём. Мокрая дорога. Ночь. Грузовик, резко перестроившийся перед ними. Отец выжил. Брат умер до приезда скорой. По документам виноватым признали другого водителя. Мать документы читала. Следствие знала. Суд был. Виновный получил наказание. Но никакой суд не способен объяснить матери, почему домой вернулся муж, а сын нет.

— Мам, — говоришь ты мягче. — Он не обязан больше никогда не водить.

— Я знаю.

— Тогда почему звонишь мне?

Она молчит. Ты уже знаешь ответ. Потому что отцу она сказать не может. Не так. Не прямо. Между ними слишком много осторожности, которая за годы превратилась почти в отдельного жильца дома. Они не развелись. Иногда тебе кажется, было бы проще, если бы развелись. Тогда была бы точка. Решение. Два адреса.

Вместо этого они остались. Едят за одним столом. Спрашивают, купить ли хлеб. Обсуждают коммунальные счета. Иногда смотрят один сериал. Мать кладёт ему таблетки рядом с чашкой. Отец чинит её машину. Со стороны — семья. Изнутри — дом, в котором одна комната навсегда закрыта.

— Ты поговоришь с ним? — спрашивает мать.

— Нет.

— Почему?

— Потому что я не хочу быть между вами.

— Я тебя не ставлю между нами.

— Сейчас ставишь.

Она замолкает. Ты сразу чувствуешь вину. Как всегда.

— Я просто испугалась.

Теперь всё меняется. Наконец настоящее предложение.
Не: *он опять взял машину.*

А: *я испугалась.*

Ты закрываешь глаза.

— Я понимаю.

— Каждый раз, когда он садится за руль...

— Я знаю.

И ты действительно знаешь. Потому что тебе тоже иногда страшно. Просто твой страх другой. Ты смотришь не на машину. На отца. На то, как он держит руль. На профиль. На руки. И на секунду видишь ту ночь, хотя тебя там не было. Странная память. Чужая. Собранная из фотографий, следственных документов и собственного воображения.

— Он написал, что доехал? — спрашиваешь.

— Да.

— Тогда всё хорошо.

Мать выдыхает.

— Ты домой сегодня?

Домой. Так она до сих пор называет их квартиру. Хотя ты съехала почти два года назад.

— Нет. К Море.

— Опять поздно?

— Мам.

— Я просто спросила.

— Нормально.

— Поешь.

Ты улыбаешься.

— Хорошо.

— И напиши.

— Когда доеду?

— Да.

Некоторые фразы переживают любые трагедии. Когда разговор заканчивается, ты ещё несколько секунд стоишь в пустом коридоре. Иногда тебе кажется, что именно поэтому ты пошла в стоматологию. Люди спрашивали: почему зубы? Почему не хирургия? Почему не терапия? Ты отвечала про точность. Про работу руками.

Про сочетание медицины и эстетики. Всё правда. Но есть ещё одна причина. В стоматологии редко умирают. Ты никогда никому этого не говорила.

— Ты чего?

Даниил стоит в конце коридора. Уже переодет. Тёмные брюки, футболка, куртка в руке.

— Ничего.

Он подходит ближе. Ты сама слышишь слово и почти смеёшься.

— Нет. Есть. Но неважно.

— Семья?

Ты смотришь.

— Почему семья?

— У тебя лицо такое.

— Какое?

— Как будто хочешь кого-то защитить и одновременно задушить.

Ты усмехаешься.

— Очень точная диагностика.

Он становится рядом. Не напротив. Это почему-то легче.

— Всё нормально?

Ты думаешь.

— Да.

— Не совсем.

— Могу что-то сделать?

Вот за это ты его любишь. Нет. Не любишь. Слишком большое слово. Но тебе нравится, что Даниил иногда умеет спросить именно так. Не:

что произошло?

Не: *расскажи.*

А: *могу что-то сделать?*

Ты качаешь головой.

— Нет.

— Хорошо.

Он не спрашивает дальше. И стоит рядом ещё секунд десять. Это тоже почти интимность. Когда человек мог полезть внутрь — и не полез.

— Точно не придёшь вечером?

Ты улыбаешься.

— Точно.

— Мира важнее меня?

— Все важнее тебя.

— Очень грубо.

— Переживёшь.

— Не уверен.

Он идёт к лифту. Перед тем как двери закрываются, говорит:

— Завтра не опаздывай. У нас совещание в девять.

— Какое?

— Большое.

— Почему я ничего не знаю?

— Потому что не читаешь общий чат.

Ты достаёшь телефон.

— Что за совещание?

Двери начинают закрываться. Даниил успевает:

— Клиника меняет владельца.

Двери сходятся. Ты остаёшься одна.

— Что?

Лифт уже уехал. Конечно, ты открываешь рабочий чат. Сто семьдесят четыре непрочитанных сообщения. Ты ненавидишь групповые переписки. Листаешь вверх. Поздравления. Смена расписания. Кто-то потерял зарядку. Фотография торта. Объявление.

«Коллеги, завтра в 09:00 общее собрание. Присутствие всех врачей обязательно. Будет представлен новый стратегический партнёр клиники и обсуждаться изменения в структуре управления».

Ниже двадцать сообщений. Кто? Что? Нас продают? Кто-то увольняется? Администратор отвечает:

«Все вопросы завтра».

Ты читаешь ещё раз.

Новый стратегический партнёр.

Тебе не нравится словосочетание. Обычно после слов «стратегический партнёр» кто-нибудь начинает рассказывать врачам, как увеличить средний чек.

— Чёрт.

Нина выходит из кабинета.

— Что?

— Завтра собрание.

— Я знаю.

— Все знали?

— Да.

— Почему мне никто не сказал?

Она смотрит на тебя.

— Ты буквально состоишь в чате, где написали.

— Это не считается.

К Мире ты приезжаешь почти в девять. Она живёт в старом доме в центре города, на четвёртом этаже без лифта, и каждый раз, поднимаясь, ты вспоминаешь, что дружба должна иметь разумные границы. Мира открывает дверь босиком. На ней огромная белая рубашка, испачканная краской, волосы собраны чем-то, что когда-то было карандашом.

— Ты принесла молоток?

— Привет.

— Это не ответ.

Ты показываешь пакет с едой.

— Я принесла ужин.

Она отходит.

— Тоже полезно.

В квартире пахнет масляной краской, кофе и чем-то сладким. На полу холсты. На подоконнике кисти в банках. На диване лежит Соня и читает что-то на телефоне. Она поднимает голову.

— Ты выглядишь уставшей.

— Спасибо.

— Это не оскорбление.

— От школьного психолога особенно приятно.

Соня работает в частной школе. Дети любят её. Родители иногда ненавидят. Администрация делает вид, что ценит психологическую помощь ровно до момента, когда та требует изменить что-нибудь в школе.

— Я сегодня три раза объясняла родителям, что тревога ребёнка не лечится словами «просто не переживай», — говорит Соня.

Ты снимаешь пальто.

— Сработало?

— Конечно нет.

Мира забирает пакет.

— Лера будет?

— У неё смена, — отвечает Соня.

Как по заказу звонит телефон. Видеосвязь. Мира ставит смартфон на банку с кистями. На экране появляется Лера. В

медицинской форме, волосы собраны, под глазами тени.

— Алло, богатые и свободные.

Ты садишься.

— Почему богатые?

— Потому что у вас есть время встречаться.

Мира:

— Ты сама выбрала скорую.

— Я была молодая и глупая.

Ты:

— Тебе двадцать пять.

— Именно. Тогда мне было двадцать два. Другой человек.

У каждой из вас своя медицина. Лера после университета ушла в неотложку и сейчас живёт в другом городе. Ты выбрала стоматологию. Иногда она пишет тебе в четыре утра:

«Сегодня человек пытался доказать мне, что чайная ложка в ухе оказалась случайно».

Ты отвечаешь утром: «И?»

«Я не верю в случайности».

Вы едите прямо возле холстов. Мира заставляет всех смотреть на новую серию.

— Только честно.

Лера с экрана:

— Ты никогда не хочешь честно.

— Хочу.

— Ты хочешь, чтобы мы честно сказали, что ты гений.

— Да. Это и есть честность.

Ты смотришь на картины. Они действительно хорошие. Не все. Но одна цепляет. Женская фигура почти исчезает в тёмном фоне. Лица нет. Только плечо. Шея. Полоска света по спине.

— Эта, — говоришь.

Мира сразу становится серьёзной.

— Почему?

Ты подходишь ближе.

— Не знаю.

— Очень профессиональная рецензия.

— Кажется, она хочет уйти.

Соня подходит.

— А мне кажется, наоборот.

— Куда наоборот?

— Остаться.

Мира улыбается.

— Отлично.

— Что? — спрашиваете вы одновременно.

— Я сама не знаю.

Вот почему она художница. Когда еда заканчивается, Мира всё-таки заставляет тебя вешать картину. Соня держит уровень. Ты молоток. Лера через телефон даёт ненужные советы.

— Левее.

— Ты даже стены нормально не видишь.

— Я чувствую.

— Лера, ты врач.

— Врачи всё чувствуют.

Через двадцать минут картина висит. Криво. Мира смотрит.

— Это ужасно.

Ты отдаёшь молоток.

— Тебя предупреждали.

Соня:

— Зато сделано с любовью.

Мира:

— Любовь переоценена.

Фраза звучит слишком быстро. Соня смотрит на неё. Ты тоже. Мира отворачивается к картине. Вот ещё один человек, которого она не хочет обсуждать. Владелец галереи. Сорок один. Женат. Уже восемь месяцев «в процессе сложного решения». Ты его ненавидишь. Соня говорит, что нельзя ненавидеть человека, которого почти не знаешь.

Лера считает, что можно.

— Я его знаю достаточно, — говорила она. — У него жена и любовница. Мне хватает данных.

Мира каждый раз злится. Поэтому сегодня никто не начинает. Вместо этого Соня смотрит на тебя.

— А у тебя?

— Что у меня?

— Личная жизнь.

Ты сразу понимаешь.

— Почему все сегодня спрашивают?

Мира оживляется.

— Кто ещё?

— Даниил.

Лера с экрана:

— Хирург?

— Да.

— Красивый хирург?

— Лера, ты видела его один раз.

— Мне хватило.

Мира:

— Он реально красивый.

Соня:

— Это не характеристика личности.

Лера:

— Именно поэтому ты работаешь с детьми.

Ты смеёшься.

— Ничего у нас нет.

— Но хочется? — спрашивает Мира.

Ты берёшь бокал воды.

— Иногда.

Вот с ними можно. Не изображать идеальную женщину.

Не делать вид, что каждое сексуальное желание должно вести к большой любви. Мира сразу:

— Я знала.

— Что ты знала?

— Как он на тебя смотрит.

Соня:

— Ты говоришь это про всех мужчин.

— Потому что мужчины довольно очевидные.

Ты:

— Не все.

Лера:

— А ты фантазировала?

Тишина. Ты смотришь на экран.

— Какая тонкая беседа.

— Это да или нет?

Мира садится ближе.

— Да.

Ты закатываешь глаза.

— Один раз.

Лера:

— Один раз — это сколько раз?

— Один.

Соня улыбается.

— Оставьте её.

Мира:

— Ты психолог. Ты должна поддерживать раскрытие.

— Она не пациент.

— Тем более бесплатно.

Ты всё-таки признаёшься:

— Да. Думала.

— И? — Мира ждёт подробностей.

— И ничего.

— Скучно.

Ты пожимаешь плечами.

— Мне иногда вообще кто угодно может понравиться на десять минут.

Соня:

— Нормально.

Мира:

— Спасибо, доктор.

Соня:

— Я не доктор.

Лера:

— Я доктор. И я подтверждаю. Красивых мужиков надо замечать. Это профилактика.

Ты смеёшься.

— Чего?

— Смерти души.

И вот за это ты их любишь. С ними можно сказать вещь, которую другому человеку, возможно, пришлось бы объяснять. Ты можешь любить одного мужчину — когда-нибудь. И всё равно заметить руки другого. Голос. Спину. Улыбку. Представить. На секунду. На вечер. На несколько минут перед сном. Фантазия не делает тебя неверной.

Потому что пока это вообще никому не принадлежит. Только тебе. Мира всё-таки спрашивает:

— Ты бы переспала с Даниилом?

Ты задумываешься. Не из кокетства. Честно.

— Не знаю.

— А хочешь?

— Иногда да.

Соня:

— Это уже ответ.

— Нет. Хотеть и сделать — разные вещи.

Она кивает.

— Согласна.

Лера:

— Наконец-то нормальный разговор.

Ты откидываешься на диван. Представить Даниила нетрудно. Потому что он близко. Ты знаешь его руки. Не интимно. Профессионально. Как он держит инструмент. Как закатывает рукава. Как наклоняется над снимком. Как иногда говорит слишком близко к уху, потому что в кабинете шумит оборудование. Однажды ты действительно лежала дома, уже почти засыпая, и почему-то вспомнила его ладонь у своего плеча.

Дальше воображение достроило само. Ты не остановила. Потом позвонила мать. На вопрос:

— Ты спишь?

ты чуть не ответила:

— Теперь уже нет.

Ты рассказываешь только последнюю часть. Все смеются.

Лера:

— Родители чувствуют.

— Что?

— Когда ты собираешься получить удовольствие. Это биологическая функция.

Мира:

— Моя мать звонит исключительно когда я с женщиной.

Соня:

— Возможно, потому что ты с женщиной слишком часто.

Мира:

— Кто теперь осуждает?

Соня улыбается.

— Наблюдаю.

В одиннадцать ты собираешься домой. Мира заставляет забрать остатки еды. Соня едет в твою сторону, но вызвала такси. Лера исчезает на вызов прямо посреди фразы:

— Если хирург тебе нравится, я считаю...

Экран гаснет.

Мира:

— Мы никогда не узнаем.

Ты надеваешь пальто.

— Переживу.

У двери Соня вдруг спрашивает:

— С семьёй всё нормально?

Ты смотришь. Вот почему психологи иногда раздражают. Не потому, что читают мысли. Потому что замечают то, что

ты надеялся спрятать достаточно хорошо.

— Мама опять испугалась из-за отца.

Она кивает. Мира становится тише. Они знают. Не все детали. Но достаточно.

— Он снова водит? — спрашивает Мира.

— Да.

— А ему нельзя?

— Можно.

Ты устало прислоняешься к стене.

— В этом и проблема. Можно. Но мама каждый раз возвращается туда.

Соня спрашивает:

— А ты?

— Что я?

— Ты возвращаешься?

Ты молчишь.

— Иногда.

Вот ответ. Дома ты оказываешься около полуночи. Квартира маленькая, но твоя. То есть арендованная. Но ощущается своей сильнее, чем родительская. Светлая кухня. Книжки. Несколько растений, два из которых ты регулярно забываешь поливать. На холодильнике магнит из города, куда ездила с братом в детстве. Единственная вещь о нём, которую ты держишь на виду.

Фотографии спрятаны. Не потому что стыдно. Потому что не хочешь каждый день быть человеком, у которого умер

брат. Иногда ты просто стоматолог. Иногда подруга. Иногда женщина, уставшая после работы. Иногда человек, которому хочется секса. Это тоже жизнь. И ты защищаешь право на неё почти упрямо. Снимаешь одежду.

Идёшь в душ. Горячая вода расслабляет плечи. Завтра собрание. Новый владелец. Новый стратегический партнёр. Какой-нибудь мужчина в дорогом костюме, который расскажет вам про эффективность. Ты уже его ненавидишь. После душа ложишься в кровать. Телефон рядом. Даниил написал:

«Ты пропустила великий вечер».

Ты: «Переживу».

Он: «Я скучал».

Ты смотришь на сообщение. Вот снова. Формально шутка. Но не совсем.

Пишешь: «Ты был занят великим вечером».

Он: «Можно быть занятым и скучать».

Ты не отвечаешь. Улыбаешься. Кладёшь телефон. В комнате темно. Ты закрываешь глаза. И, как назло, вспоминаешь разговор у Миры.

Ты бы переспала с Даниилом?

Не знаешь. Но представить можно. Воображение послушно создаёт кабинет после смены. Пустой коридор. Он снимает маску. Подходит. Та самая уверенная полуулыбка исчезает, когда расстояние становится слишком маленьким. Ты представляешь его руку на своей талии. Как он перестаёт шутить. Именно это почему-то нравится сильнее всего.

Не Даниил смешной. Даниил молчащий. Серьёзный. Мысль становится теплее. Тело тоже. Ты переворачиваешься на спину. Телефон звонит. Ты открываешь глаза.

— Нет.

Экран светится.

Мама.

Ты начинаешь смеяться. Просто лежишь в темноте и смеёшься одна. Конечно. Лера была права. У родителей действительно есть биологический датчик. Ты отвечаешь:

— Мам.

— Ты доехала?

— Да.

— Почему не написала?

Ты закрываешь глаза.

— Забыла.

— Я волновалась.

— Прости.

— Поела?

Ты снова смеёшься.

— Да.

— Что смешного?

— Ничего.

— Есть. Но неважно.

Когда разговор заканчивается, настроение ушло. Даниил тоже. Ты лежишь и думаешь: может, это знак. Потом смеёшься над собой. Ты врач. Никаких знаков. Только причины

и следствия. По крайней мере на работе. Утром клиника выглядит непривычно собранной. Все пришли вовремя. Даже Даниил. Это уже вызывает подозрение.

В конференц-зале стоят дополнительные стулья. Главный врач ходит вокруг проектора. Администратор поправляет воду на столе.

— Что за паника? — спрашиваешь у Даниила.

Он протягивает тебе кофе. Опять.

— Новый инвестор.

— Я читала.

— Врёшь.

— Сегодня прочитала.

— Уже прогресс.

Вы садитесь рядом.

— Кто он?

— Воронцов.

— Это должно мне что-то говорить?

Даниил смотрит.

— Ты серьёзно?

— Да.

— Воронцов Групп.

Ты пожимаешь плечами.

— Строительство?

— И недвижимостью. И медицинские центры. Они купили здание рядом, собираются строить большой комплекс.

— Откуда ты всё это знаешь?

— Я читаю новости.

— Добровольно?

— Иногда.

Входит Ева. Ты узнаешь потом, как её зовут. Сейчас просто видишь женщину лет тридцати. Очень собранную. Светлые брюки. Тёмный жакет. Волосы гладко убраны. Никакой заметной демонстративной роскоши. Но всё на ней выглядит дорого. Она улыбается администратору. Благодарит за воду. Садится не во главе стола, а сбоку.

Почему-то тебе сразу нравится. Через минуту главный врач встаёт.

— Коллеги, начинаем.

Дверь открывается ещё раз. Мужчина входит без спешки. Тёмный костюм. Белая рубашка. Без галстука. Высокий. Не огромный. Но тот тип физической силы, который заметен не мышцами, а тем, как человек двигается. Спокойно. Экономно. Будто никогда не торопится доказывать, что занимает место. Ему чуть за тридцать.

Ты сразу понимаешь: *Воронцов*.

Не потому что знаешь его. Потому что никто другой не вошёл бы на собрание таким образом, будто оно начнётся только после его появления. Главный врач:

— Марк Сергеевич, проходите.

Он кивает. Смотрит на стол. На людей. Взгляд проходит по лицам. На тебе задерживается не дольше остальных. Наверное. Но почему-то ты замечаешь. Даниил наклоняется к

твоему уху.

— Вот и хозяин.

Ты шепчешь:

— Мы не крепостные.

— Ты ему это скажи.

Марк садится напротив. Ева передаёт ему папку. Он открывает. И первое, что ты замечаешь, — его руки. Ты почти злишься на себя. Серьёзно? Руки? Длинные пальцы. Часы. Небольшой старый шрам возле большого пальца. Ничего особенного. Но взгляд уже задержался. Марк поднимает глаза. Прямо на тебя. Теперь точно заметил.

Ты не отводишь взгляд. Почему должна? Несколько секунд. Он первым смотрит в документы. Даниил очень тихо говорит:

— Осторожнее.

Ты шепчешь:

— С чем?

— Ты на него смотришь так, будто собираешься спорить.

— Я ещё ничего не сказала.

Даниил улыбается.

— Поэтому и страшно.

Марк закрывает папку.

— Доброе утро.

Голос ниже, чем ты ожидала. Спокойный. Без попытки понравиться комнате.

— Я постараюсь не занимать много времени. Думаю,

большую часть изменений вам уже объяснили.

Ты слышишь вокруг почти коллективное молчание. Никому ничего не объяснили. Марк смотрит на главного врача. Тот немного меняется в лице.

— Видимо, нет.

Ева едва заметно улыбается. Марк тоже.

— Хорошо. Тогда начнём сначала.

Он начинает говорить. Про инвестиции. Расширение. Новое оборудование. Переезд части клиники после реконструкции соседнего здания. Обучение. Новые кабинеты. Цифровую лабораторию. Ты слушаешь. Сначала настороженно. Потом внимательнее. Он понимает, о чём говорит. Не медицину. Бизнес. Но не произносит ни одной фразы вроде «увеличить продажи медицинских услуг».

Это уже плюс. Потом звучит:

— Некоторые процессы придётся стандартизировать.

Ты знала. Один врач спрашивает:

— Какие именно?

Марк отвечает. Расписание. Закупки. Работа лаборатории. Финансовая отчётность. Пока нормально.

Потом:

— И подход к загрузке кабинетов.

Ты поднимаешь руку. Даниил поворачивается.

— О нет, — шепчет.

Марк смотрит.

— Да.

Ты задаёшь:

— Что значит подход к загрузке?

— Больше пациентов на кабинет при сохранении времени на процедуры.

— Это противоречит само себе.

В комнате становится тише. Главный врач смотрит на тебя взглядом: *пожалуйста, не сегодня.*

Марк не выглядит раздражённым.

— Почему?

— Потому что либо вы увеличиваете количество пациентов, либо сохраняете время.

— Не обязательно.

— Обязательно.

Он откидывается немного назад.

— Вы врач?

Тебе уже не нравится вопрос.

— Да.

— Какое направление?

— Терапевтическая стоматология.

— Сколько пациентов в среднем за смену?

Ты называешь.

— Есть свободные окна?

— Иногда.

— Значит, можно повесить загрузку.

— Свободное окно и сокращение времени на пациента — не одно и то же.

Ева смотрит на тебя с интересом. Даниил сидит очень тихо.

Марк:

— Я не говорил сокращать время.

— Тогда как вы хотите увеличить количество?

— Сократить простои.

— Какие?

Он смотрит прямо.

— Именно это мы и будем анализировать.

Ты киваешь.

— Тогда сначала проанализируйте. Потом называйте это изменением.

Главный врач почти перестаёт дышать. Марк молчит. Секунду. Две. Ты ожидаешь раздражения. Вместо этого уголок его рта едва двигается.

— Справедливо.

Ты не ожидала. Он берёт ручку.

— Как вас зовут?

Ты уже открываешь рот. И останавливаешься. Странно. Как будто имя сейчас стало бы чем-то слишком личным. Главный врач отвечает за тебя:

— Наш молодой терапевт.

И произносит твою фамилию. Марк повторяет её. Только фамилию.

— Хорошо. После первого месяца работы соберём показатели. Если увидите, что изменения вредят качеству лече-

ния, скажете мне.

Ты:

— Напрямую?

— Напрямую.

— Хорошо.

Даниил снова наклоняется.

— Поздравляю.

— С чем?

— Ты знакома с владельцем пять минут и уже получила личную линию жалоб.

— Замолчи.

Собрание продолжается. Но что-то изменилось. Ты всё ещё слушаешь. Записываешь. Задаёшь ещё один вопрос. Нормальный. И одновременно иногда ловишь себя на том, что смотришь на мужчину напротив. Не потому что он красивый. Хотя да. Красивый. Но дело не только в этом. Есть люди, которые входят в помещение и словно спрашивают разрешение занять пространство.

Есть те, кто пространство отвоёвывает. Марк Воронцов просто считает, что оно уже существует вокруг него. Тебя это раздражает. Очень. И где-то глубже раздражения возникает другое чувство. Настолько маленькое, что ты пока легко можешь сделать вид, будто его нет. Любопытство.

Ты ещё не знаешь, что через несколько месяцев будешь ненавидеть его способность говорить спокойным голосом именно тогда, когда тебе хочется, чтобы он сорвался. Не зна-

ешь, что однажды будешь стоять перед его дверью и решать, войти или уйти. Не знаешь, что Ева, которая сейчас доброжелательно улыбается тебе через стол, запомнит тебя раньше, чем ты запомнишь её.

Не знаешь, что Даниил, сидящий рядом и привычно касающийся коленом твоего, однажды заставит тебя усомниться почти во всём, что ты считаешь очевидным. Пока ты знаешь только одно. Марк заканчивает собрание. Встаёт. Люди начинают расходиться. Ты складываешь блокнот. Даниил говорит:

— Кофе?

— У меня пациент.

— В десять.

— Подготовиться надо.

— Ты готовишься слишком много.

— А ты слишком мало.

Он уходит первым. Ты остаёшься собрать бумаги. И слышишь:

— Доктор.

Ты поворачиваешься. Марк стоит у двери. Ева уже в коридоре.

— Да?

— Вы обычно спорите со всеми новыми владельцами в первые десять минут?

— Только если они говорят вещи, с которыми я не согласна.

Он смотрит. Вблизи ему точно не больше тридцати пяти. Наверное, тридцать три. Тридцать четыре.

— Тогда нам будет интересно работать.

Ты не понимаешь, шутка это или предупреждение.

— Я здесь не ради того, чтобы вам было интересно.

На этот раз он улыбается полностью. Не широко. Но достаточно, чтобы лицо изменилось.

— Я уже понял.

Он выходит. Ты остаёшься одна в конференц-зале. И только через несколько секунд замечаешь, что улыбаешься тоже. Сразу перестаёшь.

— Нет, — говоришь сама себе.

Потом берёшь блокнот и идёшь к пациенту. Потому что у тебя есть работа. У тебя есть планы. Подруги. Семья. Своя квартира. Собственные деньги. Кредит за машину. Курсы, на которые ты откладываешь. Мечта о кабинете с твоими правилами и твоим именем на двери. И какой-то Марк Воронцов совершенно точно не станет центром твоей жизни.

В этом ты пока абсолютно уверена.

Глава вторая

Мужчина, который не спрашивает дважды

Второй раз Марк Воронцов появляется в твоём кабинете через четыре дня. Без предупреждения. Именно это раздражает сильнее всего. Ты заканчиваешь приём, снимаешь перчатки, диктуешь Нине рекомендации для карты и только

потом замечаешь мужчину в дверях. Он не заходит. Просто стоит снаружи. Ждёт. Это почему-то ещё хуже.

Потому что если бы вошёл сразу, ты могла бы сказать:
— У нас вообще-то пациент.

Но он не входит. Значит, придаться не к чему. Пациентка
— женщина лет сорока — поворачивает голову.
— Это к вам?

Ты коротко смотришь на Марка.
— Похоже.

Он слегка кивает женщине. Она отвечает такой же вежливой улыбкой. И тут же смотрит на тебя тем самым женским взглядом, в котором вопрос задаётся без единого слова.

Кто это?

Ты делаешь вид, что не понимаешь.

— Сегодня ничего горячего и очень холодного. Первые сутки может немного тянуть.

Женщина слушает. Но смотрит уже не только на тебя. Марк всё ещё у двери. В пальто. Телефон в руке. Спокойный. Тебе не нравится, что он органично выглядит в любом пространстве. На совещании. В коридоре. Даже здесь, между стоматологическим креслом и шкафом с материалами. Как будто у него нет помещений, где он чувствовал бы себя чужим.

Пациентка встаёт.

— Спасибо, доктор.

— Пожалуйста.

У двери она снова бросает взгляд на Марка. Потом на тебя. Улыбка становится чуть шире. Ты почти слышишь, что она расскажет подруге вечером. Когда дверь закрывается, Нина смотрит на тебя.

Ты:

— Нет.

— Я ничего.

— Даже не начинай.

— Я вообще собиралась спросить, можно ли идти на обед.

— Иди.

Она снимает маску. Проходит мимо Марка. Уже за дверью говорит:

— Здравствуйте.

— Добрый день.

И исчезает. Ты остаёшься. Марк входит.

— Удобно?

— Уже нет.

Он смотрит.

Потом:

— Тогда зайду позже.

Разворачивается. Ты сама не понимаешь, почему говоришь:

— Стойте.

Он останавливается. Медленно оборачивается. Тебе сразу не нравится собственное решение.

— Что вы хотели?

— Пять минут.

— У вас никогда ничего не занимает пять минут.

— Мы знакомы четыре дня.

— Хватило.

Теперь улыбка. Та самая. Которую хочется стереть. И почему-то посмотреть ещё. Он закрывает дверь. Не на ключ. Просто дверь. Ты замечаешь. Раздражаешься уже на себя.

— Мне сказали, что вы хотите менять график терапевтов.

— Не я.

— Компания.

— Это не одно и то же.

— Для сотрудников, думаю, одно.

Марк подходит к столу. Не садится. Ты тоже стоишь. Получается странный разговор двух людей, которые могли бы прекрасно говорить сидя, но почему-то оба решили этого не делать.

— Мы анализируем загрузку, — говорит он.

— Уже?

— Да.

— Четыре дня?

— Иногда четырёх дней хватает, чтобы увидеть очевидное.

Ты скрещиваешь руки.

— Например?

— Например, что два кабинета простаивают с двух до четырёх.

— Потому что в это время снижается запись.

— Почему?

— Люди работают.

— Значит, можно изменить расписание.

— На какое?

— Часть смен сместить позже.

Ты молчишь. Это разумно. И именно поэтому неприятно.

Гораздо легче спорить с человеком, когда он несёт ерунду.

— Врачи согласятся?

— Я ещё не спрашивал.

— Тогда почему обсуждаете со мной?

— Потому что вы первая подняли вопрос качества.

Ты чуть приподнимаешь брови.

— И?

— Хочу понять, где для вас граница.

Фраза звучит слишком двусмысленно. Наверное, случайно-но. Ты делаешь вид, что не заметила.

— Граница чего?

— Количества пациентов.

Конечно. Работы. Ты почти смеёшься над собой.

— Зависит от процедур.

— В среднем.

— Нет среднего.

— Всегда есть среднее.

— В финансах — возможно. В медицине человек иногда открывает рот, и весь ваш средний показатель перестаёт су-

ществовать.

Он смотрит.

— Хорошая формулировка.

— Бесплатно.

Марк достаёт телефон.

— Можно записать?

Ты улыбаешься.

— Если заплатите.

— Сколько?

Ты собиралась пошутить. Он говорит совершенно серьёзно.

— Вы всегда так отвечаете?

— Как?

— Как будто у всего есть цена.

— У бизнеса есть.

— А у людей?

Он смотрит прямо. Пауза становится слишком длинной. Марк первым отводит взгляд.

— У людей обычно тоже. Просто не всегда денежная.

Теперь тебе интересно. Немного.

— Вы пришли поговорить о графике?

— Да.

— Тогда давайте о графике.

Он кивает. Никакой попытки вернуть личную тему. Это почему-то нравится. Вы действительно обсуждаете расписание. Пятнадцать минут. Не пять. Марк задаёт хорошие во-

просы. Не врачебные. Организационные. Сколько занимает подготовка кабинета. Сколько времени между пациентами теряется из-за администраторов.

Какие процедуры можно ставить подряд, а какие лучше не надо. Где врач выгорает быстрее. Последний вопрос удивляет.

— Выгорает?

— Да.

— Вы знаете это слово?

Он смотрит спокойно.

— Иногда я даже читаю.

— Невероятно.

— Удивляю вас всё чаще.

Ты снова замечаешь: он не защищается. Большинство сильных мужчин раздражаются, когда над ними слегка смеются. Марк нет. Как будто уверен, что ничего не потеряет от твоей насмешки. Это опасно привлекательно.

— Вы правда хотите открыть вторую смену? — спрашиваешь.

— Возможно.

— Тогда молодые врачи согласятся.

— Почему?

— Деньги.

— А вы?

— Я тоже молодая.

— Я заметил.

Ты поднимаешь взгляд. Он уже понимает, как прозвучало. Но не исправляет.

— И?

— И мне тоже нужны деньги.

— На что?

Ты смеёшься.

— Это уже совсем не про график.

— Согласен.

Он ждёт. Ты не отвечаешь. Марк кивает.

— Хорошо.

И снова отступает. Это начинает раздражать по новой причине. Он не вытаскивает ответы. Не просит дважды. Будто если ты не сказала — ему не нужно. Ты неожиданно говоришь:

— Курсы.

Он уже взялся за ручку двери. Останавливается.

— Какие?

Сработало.

— По эстетической реставрации.

— Где?

Ты называешь город и учебный центр. Он явно слышал название.

— Хорошие?

— Очень.

— Дорого?

— Очень.

— Клиника не оплачивает?

— Частично. Остальное сама.

Он кивает.

— И когда?

— Весной.

— Поедете?

— Если накоплю.

Марк смотрит на тебя так, будто хочет что-то сказать. Ты уже заранее знаешь, что не понравится.

— Что?

— Ничего.

Ты сразу:

— Есть.

Он улыбается.

— Есть. Но не моё дело.

Теперь тебя почти бесит.

— Скажите.

— Нет.

— Вы специально?

— Что?

— Делаете это.

— Что именно?

— Начинаете фразу и потом «не моё дело».

Он думает секунду.

— Хорошо. Я хотел сказать, что компания могла бы оплачивать такие курсы врачам.

Ты сразу напрягаешься.

— В обмен на что?

— Почему обязательно в обмен?

— Потому что бесплатно никто ничего не даёт.

Марк смотрит внимательнее.

— Вы правда так думаете?

— В бизнесе — да.

— А в людях?

Ты вспоминаешь ваш разговор.

— Там особенно.

Он не спорит.

— Тогда оформим это как программу развития персонала, — говорит. — С понятными условиями.

— Какими?

— Например, врач работает в клинике определённый срок после обучения.

— Вот. Уже обмен.

— Конечно.

— Значит, я была права.

— Вы очень любите быть правой?

Вопрос простой. Но вдруг попадает. Ты отвечаешь:

— Когда права — да.

Он улыбается.

— Удобно.

Марк открывает дверь.

— Я пришлю проект условий.

— Мне лично?

— Всем.

Почему-то тебе становится чуть неловко от собственного ожидания.

— Хорошо.

Он выходит. Потом возвращается на полшага.

— И ещё.

— Что?

— Я не прихожу в кабинеты без предупреждения, если идёт лечение.

— Сегодня пришли.

— Я ждал снаружи.

— Это считается?

— Для меня — да.

И уходит. Ты остаёшься. Смотришь на дверь. Нина возвращается через минуту. С пакетом из столовой.

— Он ушёл?

— Да.

— Что хотел?

— График.

Она смотрит.

— Полчаса?

— Пятнадцать минут.

— Очень сложный график.

Ты бросаешь на неё взгляд.

— Нина.

— Молчу.

Следующий пациент — мужчина лет тридцати. Красивый. Ты замечаешь это сразу. Не потому что ищешь. Просто замечаешь. Тёмные волосы. Хорошие зубы, что уже делает его почти профессионально привлекательным. Он садится в кресло. Улыбается.

— Я боюсь стоматологов.

— Все так говорят.

— Я серьёзно.

— Тогда особенно все.

Он смеётся. Во время осмотра оказывается, что проблема небольшая. Ты объясняешь лечение. Он смотрит на тебя слишком внимательно. Тоже замечаешь. В обычный день на этом всё. Но после Марка твоё тело почему-то более внимательное. К голосам. Рукам. Мужским взглядам. Пациент спрашивает:

— Вы всегда такая спокойная?

Ты:

— На работе.

— А вне?

Сразу видишь. Флирт. Прямой. Лёгкий. И неожиданно тебе приятно. Не потому что хочешь его. Просто нравится, что тебя видят не только врачом.

— Это врачебная тайна, — отвечаешь.

Он улыбается.

— А записаться можно не на лечение?

Ты поднимаешь бровь.

— Нет.

— Жаль.

Нина, стоящая у шкафа, почти физически борется с улыбкой. После пациента дверь закрывается. Она поворачивается.

— Ну?

— Что «ну»?

— Симпатичный.

— Да.

— И?

— Ничего.

Нина смотрит так, будто это личное разочарование.

— Почему?

— Потому что он пациент.

— После лечения перестанет.

— Ты ужасный человек.

Но мысль остаётся. Не о нём конкретно. Просто о том, как легко тело отмечает людей. Красивый. Не красивый. Интересный голос. Хорошие руки. Слишком близко. Не тот запах. Тот. Без решения. Без морали. Иногда просто реакция. Вечером Соня пишет:

«Кофе?»

Ты отвечаешь: *«Через час».*

Мира: «Я тоже».

Лера: «Ненавижу ваш город».

Соня: «Переезжай».

Лера: «А пациенты?»

Мира: «Пусть тоже переезжают».

Вы встречаетесь втроём в маленьком кафе возле старого сквера. Мира приходит с краской на руке. Соня — с огромной сумкой, из которой торчат детские рисунки. Ты — в пальто поверх формы, потому что переодеваться было лень.

— Ты выглядишь как врач, который сбежал, — говорит Мира.

— Так и есть.

Заказываете кофе. Мира берёт десерт, который потом съедаете все трое.

— Ну? — спрашивает она.

— Что?

— Новый владелец.

Ты смотришь на Соню.

— Она всем рассказала?

Соня:

— Ты сама вчера сказала.

— Я сказала «новый инвестор».

Мира:

— И?

— И ничего.

Она смотрит подозрительно.

— Красивый?

Соня вздыхает.

— Почему у тебя всё начинается с этого?

— Потому что это быстро сортирует информацию.
Ты улыбаешься.

— Да.

Мира мгновенно оживает.

— Насколько?

— Мира.

— По десятибалльной.

— Я не знаю.

— Значит, девять.

Соня:

— Почему?

— Если бы шесть, она сказала бы сразу.

Ты смеёшься.

— Он раздражающий.

— Десять, — заключает Мира.

Соня смотрит на тебя внимательнее.

— Чем раздражает?

Ты рассказываешь про собрание. Про график. Про разговор сегодня.

Мира:

— Он пришёл к тебе в кабинет?

— По работе.

— Конечно.

Соня:

— Мира.

— Я молчу.

Ты продолжаешь:

— Он привык, что все вокруг подстраиваются.

Соня:

— Ты это знаешь или предполагаешь?

— Видно.

— По чему?

Ты думаешь. По тому, как главный врач смотрит. Как Ева передаёт ему документы раньше, чем он просит. Как сотрудники его компании звонят вовремя. Как он сам не повторяет просьбы.

— Просто видно.

Соня улыбается.

— Хорошо.

Мира:

— А он на тебя смотрит?

— Господи.

— Это медицинский вопрос.

— Нет.

— Тогда почему ты так быстро ответила?

Ты берёшь чашку.

— Не знаю.

Соня меняет тему. И ты ей благодарна. Она рассказывает про девочку в школе. Без имени, конечно. Родители разводятся. Оба пытаются сделать дочь посредником.

— Мама говорит: «Скажи папе». Папа говорит: «Передай

маме».

Соня устало проводит пальцами по виску.

— А ребёнку девять.

Ты сразу вспоминаешь мать.

Поговоришь с ним?

Соня замечает лицо.

— Что?

— Ничего.

Все смотрят. Ты вздыхаешь.

— Есть.

Рассказываешь про вчерашний звонок. Мира тихо говорит:

— Твоей маме до сих пор страшно.

— Я знаю.

— А отцу?

Ты смотришь. Хороший вопрос. Отец почти никогда не говорит об аварии. После неё он сначала пил. Не постоянно. Но достаточно. Потом однажды перестал. Без клиники. Без обещаний. Просто перестал. После этого стал ещё тише. Ты помнишь, как однажды ночью услышала его на кухне. Он думал, что все спят. Стоял у окна.

И плакал. Тихо. Ты не вошла. До сих пор не знаешь, правильно ли сделала.

— Наверное, тоже, — отвечаешь.

Соня:

— Вы с ним говорили?

— Нет.

— Никогда?

— Про аварии вообще — да. Про чувства — нет.

Мира:

— Может, стоит?

Ты сразу:

— Нет.

Слишком быстро. Соня не давит. Только:

— Хорошо.

Это раздражает даже больше, чем если бы начала советовать.

— Не включай психолога.

— Не включаю.

— Включила.

— Я сказала одно слово.

— Именно таким тоном.

Мира смеётся. Через десять минут разговор уже про другое. Мира показывает переписку с галеристом. Тот обещал приехать на её новую выставку. Потом написал:

«Посмотрим, как сложится дома».

Ты сразу злишься.

— Мира.

— Что?

— Это уже смешно.

Она напрягается.

— Не начинай.

— Он восемь месяцев «смотрит, как сложится».

— У него сложная ситуация.

Ты:

— У него жена.

Соня закрывает глаза.

— Девочки.

Мира:

— Я знаю, что у него жена.

— Тогда что сложного?

— Он не может просто взять и уйти.

— Почему?

— Дети.

Ты понимаешь, что сейчас будет ссора. И всё равно не останавливаешься.

— Удобно.

Мира смотрит резко.

— Ты вообще не знаешь.

— Знаю достаточно.

— Что именно?

— Что он приходит к тебе, когда ему удобно. А когда неудобно — у него семья.

Мира краснеет.

— Это не твоё дело.

Ты сразу чувствуешь удар. Потому что сама ненавидишь, когда лезут.

— Да, — говоришь. — Не моё.

Тишина. Соня смотрит на обеих. Не вмешивается. Мира первой отводит глаза.

— Просто не надо говорить так, будто я идиотка.

— Я не думаю, что ты идиотка.

— Звучало.

— Прости.

Это не магическое извинение. Она всё ещё злится. Но кивает. Через несколько минут сама говорит:

— Я знаю, как это выглядит.

Ты молчишь.

— Просто когда он со мной, всё выглядит иначе.

И это, наверное, самая опасная вещь во многих плохих отношениях. Изнутри они выглядят иначе. Когда вы выходите, Мира уходит первой. Не демонстративно. У неё встреча. Ты почти спрашиваешь с кем. Не спрашиваешь. Соня идёт рядом.

— Ты права.

— Не хочу слышать.

— Почему?

— Потому что я была права плохо.

Она улыбается.

— Это разные вещи.

Вот за это Соня и бесит. У машины она останавливается.

— Можно спросить?

— Опасное начало.

— Про нового владельца.

Ты смеёшься.

— Даже ты?

— Не про красоту.

— Тогда можно.

— Ты раздражена им потому что он реально неприятный или потому что рядом с ним тебе трудно чувствовать контроль?

Ты несколько секунд молчишь.

— Ты говорила, что не психолог.

— Я и не говорила.

Ты открываешь машину.

— До свидания.

Она смеётся.

— Спокойной ночи.

Дома тебя ждёт письмо. Не бумажное. На рабочей почте.

Программа профессионального обучения сотрудников.

Ты открываешь. Условия. Компания действительно готова оплачивать до семидесяти процентов курса. Взамен врач обязуется отработать в клинике двенадцать месяцев после окончания. Если увольняется раньше — возвращает пропорциональную часть. Честно. Понятно. Никакой ловушки. Тебе это нравится. И раздражает.

Потому что легче было бы, если бы Марк оказался тем, кем ты его заранее назначила. Богатым мужчиной, который всё покупает и считает людей цифрами. Пока он упорно не совпадает. Внизу письма:

«Комментарии можно направлять напрямую».

Без личного имени. Общая рассылка. Ты открываешь адрес отправителя. Секретарь проекта. Не Марк. Почему-то смешно, что ты проверила. Ты принимаешь душ. Ложишься. Не спится. Телефон рядом. Мира не пишет. Ты переживаешь после ссоры.

Пишешь: «Я была резкая. Прости ещё раз».

Ответ минут через пять: *«Ты была права, но я всё равно тебя ненавижу».*

Ты: «Нормально».

Она: «Он приехал».

Ты замираешь. Не знаешь, что ответить.

«Хочешь, чтобы я что-то сказала?»

Она: «Нет».

Ты: «Тогда я рядом».

Убираешь телефон. Вот так. Можно считать решение плохим. И всё равно остаться подругой. В комнате тихо. Ты закрываешь глаза. Почему-то вспоминаешь не Даниила. Марк. Точнее, его руку на дверной ручке. Странная деталь. Потом голос:

«А у людей?»

Ты переворачиваешься. Нет. Ты прекрасно знаешь механизм. После насыщенного дня мозг выбрасывает случайные вещи. Это не значит ничего. Через минуту воображение всё равно возвращает его. Не костюм. Не лицо. То, как он стоял в кабинете. Спокойно. Как не стал спрашивать второй раз,

на что тебе нужны деньги.

Как повернулся к двери. И ты сама остановила. Это раздражает сильнее всего. В фантазии он, конечно, другой. Не обсуждает расписание. Не спрашивает про курсы. Просто смотрит так, как сегодня не смотрел. Ты представляешь расстояние между вами короче. Его ладонь на краю стола рядом с твоей. Голос ниже. Дальше мысль становится слишком ясной.

Тёплой. Телесной. Ты открываешь глаза.

— Серьёзно?

Говоришь потолку. Берёшь телефон. Чтобы отвлечься. Ошибка. Есть новое сообщение. От неизвестного рабочего номера.

«Посмотрите приложение к программе обучения. Там есть курс, который вы называли. Если это он — подтвердите».

Ты садишься. Смотришь. Ни подписи. Но ты знаешь.

Пишешь: «Это он».

Ответ: «Хорошо».

Всё. Никакого: как вечер. не спите? Только: *хорошо*.

И почему-то это действует хуже любого флирта. Ты кладёшь телефон экраном вниз. Через минуту переворачиваешь обратно. Ничего.

— Идиотка.

Сама себе. Конечно. На следующий день Марка в клинике нет. И тебе всё равно. Абсолютно. Ты узнаёшь, что его нет,

только потому что дважды смотришь в стеклянную перегородную. Случайно. Даниил появляется около полудня.

— Обед?

— У меня двадцать минут.

— Идеально. Я быстро ем.

Идёте в кафе через дорогу. Даниил рассказывает смешную историю про пациента. Ты смеёшься. С ним легко. Это главное. С Марком ты всё время чуть напряжена. С Даниилом знаешь ритм. Когда он шутит. Когда серьёзен. Как реагирует. Он забирает у тебя телефон, когда ты снова смотришь на рабочие сообщения.

— Эй.

— Ешь.

— Верни.

— Через десять минут.

— Даниил.

— Вот. Уже начинается ломка.

Ты тянешься. Он держит выше. Детский идиотизм. Но вы смеётесь. Ты встаёшь со стула, пытаешься достать. Он ловит тебя за запястье. На секунду. И всё меняется. Совсем чуть-чуть. Смех остаётся. Но появляется другое. Его пальцы вокруг твоего запястья. Тёплые. Даниил тоже чувствует. Не отпускает сразу. Ты смотришь.

Он медленно возвращает телефон.

— Держи.

— Спасибо.

Садись. Сердце чуть быстрее. Вот реальность. Не фантазия. Даниил рядом. Доступный. Понятный. Он смотрит в чашку. Потом на тебя.

— Можно спросить?

— Все сегодня что-то спрашивают.

— Воронцов тебе нравится?

Ты едва не смеёшься от неожиданности.

— Что?

— Ты слышала.

— С чего ты взял?

— Ни с чего.

— Тогда зачем?

Даниил пожимает плечами.

— Интересно.

Ты смотришь.

— Нет.

Слишком быстро. Он улыбается.

— Понял.

— Ничего ты не понял.

— Конечно.

Ты злишься.

— Он раздражает меня.

— Я заметил.

— И всё.

— Хорошо.

Вот «хорошо» у Марка и «хорошо» у Даниила совершен-

но разные. У Даниила в нём улыбка. Он не верит.

— А тебе какое дело?

Спрашиваешь. Даниил становится серьёзнее.

— Может, нравится знать, куда смотреть.

— В смысле?

Он откидывается.

— Если я приглашу тебя куда-нибудь не компанией.

Наконец.

— Это приглашение?

— Пока вопрос.

Ты чувствуешь, как внутри что-то приятно сдвигается. Он тебе нравится. Да. Не обязательно больше. Но нравится.

— И куда?

Даниил улыбается.

— Значит, можно приглашать?

Ты почти отвечаешь. Телефон звонит. Смотришь. Отец. Он звонит тебе редко. Очень. Улыбка исчезает.

— Прости.

Отвечаешь сразу.

— Пап?

Несколько секунд только дыхание.

Потом:

— Ты занята?

Голос у него странный.

— Что случилось?

— Мама дома?

Вопрос нелогичный. Он должен знать.

— Не знаю. А ты где?

— Я возле больницы.

Ты встаёшь.

— Что произошло?

Даниил тоже поднимается. Отец:

— Ничего страшного.

Теперь страх настоящий. Потому что в вашей семье *ничего страшного* означает что угодно.

— Пап.

Он выдыхает.

— Сердце прихватило. Я сам приехал.

Ты уже берёшь куртку.

— Какая боль?

— Уже прошла.

— Давление?

— Не знаю.

— Тебя посмотрели?

— Сейчас.

— Я еду.

— Не надо.

Ты закрываешь глаза.

— Пап, я еду.

— Не надо работу бросать.

— Я уже еду.

Он замолкает.

— Хорошо.

Ты кладёшь телефон. Даниил уже держит твоё пальто. Без вопросов.

— Больница?

— Отец.

— Я отвезу.

— У меня машина.

— Ты сейчас будешь вести?

Ты смотришь. Он прав. Руки слегка дрожат. Первый раз за день.

— Хорошо.

В машине Даниил не говорит лишнего. И ты благодарна. Только:

— Какая больница?

Называешь. Едет быстро. Но не слишком. Ты звонишь матери. Не отвечает. Ещё раз. Наконец:

— Да?

— Ты знаешь про папу?

Тишина.

— Что про папу?

Вот чёрт.

— Он в больнице.

Мать замолкает так, что ты сразу жалеешь, что сказала по телефону.

— Почему?

— Сердце. Но говорит, уже лучше.

— Он был за рулём?

Вот первый вопрос. Не сердце. Не где. За рулём. Ты чувствуешь злость.

— Мам, сейчас не это важно.

— Он был?

— Не знаю.

Она дышит тяжело.

— Я еду.

Ты опускаешь телефон. Даниил смотрит на дорогу.

— Всё нормально?

— Не знаю.

Он больше не спрашивает. Через несколько минут кладёт ладонь на коробку передач рядом с твоей рукой. Не касается. Просто рядом. Ты замечаешь. Мог бы положить сверху. Не делает. Почему-то от этого хочется плакать сильнее. В больнице выясняется: не инфаркт. Сильный спазм. Давление. Нужно обследование. Ты видишь отца в коридоре.

Он сидит. Бледный. Но живой. И на секунду тебе снова девятнадцать. Ночь. Телефон. Мать кричит. Ты почти физически видишь брата. Стоп. Возвращаешь себя. Отец здесь.

— Пап.

Он поднимает глаза.

— Я же сказал, не надо.

Ты обнимаешь его. Не отвечаешь. Он сначала сидит неподвижно. Потом кладёт руку тебе на спину. Очень коротко.

— Всё нормально.

Ты отстраняешься.

— Не говори так.

Он удивляется.

— Как?

— «Всё нормально». Если не нормально.

Отец смотрит. Вы никогда так не разговаривали.

— Хорошо, — говорит он. — Не нормально. Испугался.

Ты тоже.

— Я тоже.

Мать приезжает через двадцать минут. Входит. Видит его.

Останавливается. Первое:

— Ты был за рулём?

Ты закрываешь глаза. Отец устало:

— Да.

— Я же...

Останавливается. В комнате будто появляется брат. Не физически. Но все трое чувствуют. Отец говорит очень тихо:

— Я знаю.

Мать:

— Что ты знаешь?

Ты понимаешь: сейчас начнётся. Пять лет, которые они не говорили. Не здесь.

— Мам.

Она смотрит на тебя.

— Не сейчас.

— А когда?

Ты не знаешь. Отец отвечает:

— Когда сможешь.

Мать смотрит на него. И вдруг не говорит ничего. Садится. Даниил всё это время ждал внизу. Ты забыла.

Пишешь: «Останемся. Спасибо. Езжай».

Он отвечает: «Точно?»

Ты: «Да».

Он: «Позвони если что».

Через секунду: «И поешь».

Ты улыбаешься впервые за час. Отец остаётся на наблюдение. Мать тоже. Ты возвращаешься домой на такси. Время почти одиннадцать. На телефоне несколько пропущенных. Нина. Соня. Мира. И одно рабочее сообщение. От того же неизвестного номера.

«Мне сказали, вы уехали из-за семейной ситуации. Надеюсь, всё в порядке. Завтра можете не выходить, график закрывают».

Ты знаешь, кто.

Пишешь: «Спасибо. Всё не критично. Я выйду».

Ответ приходит быстро: «Не нужно».

Ты смотришь.

Пишешь: «Я решу сама».

Пауза дольше.

Потом: «Хорошо. Если выйдете — короткая смена».

Ты почти улыбаешься. Он уступил. Но всё равно чуть-чуть распорядился.

«Обычная».

Ответ: «Это уже спор ради спора».

Ты: «Возможно».

«Спокойной ночи, доктор».

Ты смотришь на экран. Глупо. Совершенно глупо. Но где-то внутри усталости, страха за отца и старой боли появляется маленькое тёплое напряжение. Не потому что Марк написал что-то особенное. Потому что он заметил. И не спросил второй раз. Ты ложишься. Не раздеваясь сразу. В голове всё смешивается. Отец.

Мать. Брат. Даниил, который держал телефон над головой и смеялся. Его пальцы на твоём запястье. Вопрос:

если я приглашу тебя куда-нибудь не компанией?

И Марк.

Спокойной ночи, доктор.

Ты закрываешь глаза. На секунду представляешь Даниила. Он ближе. Касается уже не запястья. Потом почему-то лицо меняется. Не специально. На его месте Марк. Ты резко открываешь глаза.

— Да что со мной не так?

Телефон вибрирует. Ты почти смеёшься. Судьба снова решила вмешаться? Нет. Мира.

«Ты не спишь?»

Ты отвечаешь: *«Нет».*

Она: «Он опять уехал домой».

Чужая боль мгновенно возвращает тебя в комнату. Ты

звонишь. Мира отвечает сразу. Плачет. И следующие сорок минут ты сидишь на кровати, слушая, как подруга снова обещает себе то, что уже обещала раньше.

— Всё. Я закончила.

Ты не говоришь: *я же говорила*.

Только:

— Хорошо.

— Ты мне не веришь?

Честно:

— Не знаю.

Она плачет сильнее.

— Но я рядом.

Когда разговор заканчивается, уже почти час ночи. Ты идёшь на кухню. Пьёшь воду. Смотришь на своё отражение в тёмном окне. В двадцать три года тебе казалось, что взрослая жизнь будет выглядеть иначе. Как-то собраннее. Работа. Отношения. Семья. Чёткие решения. А получается: днём ты врач и спокойно работаешь в миллиметре от нерва.

Вечером не знаешь, как помочь собственной матери. Отец сидит в больнице и впервые за пять лет признаётся, что ему страшно. Подруга любит женатого мужчину. Коллега, возможно, хочет позвать тебя на свидание. Новый владелец клиники раздражает тебя настолько, что ты проверяешь его сообщения чаще, чем нужно.

И твоё тело тем временем совершенно самостоятельно решает, кого считать привлекательным. Никакой дисципли-

ны. Ты выключаешь свет. Перед сном приходит последняя мысль. Даниил спросил первым. Но почему-то ждёшь ты не его следующего сообщения. Это уже проблема.

Глава третья

Доктор Рогов

Утром отец пишет первым.

«Всё нормально. Выписывают после обеда».

Ты читаешь сообщение ещё лёжа. Потом перечитываешь. И сразу злишься на два слова.

Всё нормально.

Как будто вчера вы не договаривались хотя бы иногда говорить правду. Ты печатаешь:

«Что сказал врач?»

Ответ: «Давление. Надо обследоваться».

Уже лучше.

«Когда кардиолог?»

Потом: «Запишусь».

Ты смотришь на экран. Знаешь это «запишусь». Оно может означать: сегодня. На неделе. Когда-нибудь. Никогда. Палец уже висит над клавиатурой. Хочется написать:

«Я сама запишу».

Очень хочется. И именно поэтому ты этого не делаешь. Вчера ты возмущалась, когда Марк решил за тебя, сколько тебе работать после семейной ситуации. Сегодня сама собираешься решать за отца, когда ему идти к врачу. Разница,

конечно, существует. Отец старше. Есть медицинский риск. Ты врач. Почти можно построить убедительное оправдание.

Но механизм знакомый.

Я знаю лучшие.

Ты пишешь: «Скажи, когда запишешься».

Ответ приходит через минуту: «Скажу».

Ты не уверена, что скажет. Но оставляешь. Мать не пишет вообще. Это беспокоит сильнее. Ты звонишь. Она отвечает быстро.

— Доброе утро.

— Как ты?

— Нормально.

Вот опять. Ты закрываешь глаза.

— Мам.

— Что?

— Как ты на самом деле?

Слышишь воду. Наверное, она на кухне. В детстве почти все важные разговоры происходили там. За столом. У раковины. Возле холодильника. Как будто люди вашей семьи могли говорить о чувствах только если одновременно чем-то заняты.

— Испугалась вчера, — говорит мать.

— Я знаю.

— Ночью плохо спала.

— Из-за папы?

Она молчит.

— Из-за всего.

Это честнее.

— Ты сегодня работаешь?

— Да.

— После больницы?

— Мам, со мной ничего не случилось.

— Я знаю.

— Тогда почему спрашиваешь таким голосом?

— Каким?

— Будто я должна лежать дома под одеялом.

— Я просто спросила.

Ты улыбаешься.

— Хорошо.

Мать тоже улыбается голосом.

— Ты поела?

Конечно.

— Нет ещё.

— Поешь.

— Обязательно.

— И...

Она останавливается.

— Что?

— Ничего.

Ты ждёшь. Она сама исправляется:

— Есть.

Ты невольно улыбаешься шире.

— Говори.

— Если увидишь отца раньше меня, не говори ему, что я вчера разозлилась.

— Почему?

— Потому что он и так всё понимает.

— Мам.

— Что?

— Тогда зачем ты мне это говоришь?

Она молчит. Ты слышишь, как ставит чашку.

— Не знаю.

Впервые тебе кажется, что она действительно не знает. Не играет. Не манипулирует. Просто за пять лет привыкла разговаривать с мужем через тебя настолько, что иногда делает это автоматически.

— Скажи ему сама.

— Не хочу.

— Хорошо.

— Ты не будешь?

— Нет.

Мать выдыхает.

— Спасибо.

Ты не уверена, за что именно она благодарит. За молчание? За границу? За то, что не стала читать лекцию? Неважно. Перед тем как закончить, она говорит:

— И с работой не переутомляйся.

— Хорошо.

— Ты всегда так говоришь.

— А ты всегда так говоришь.

На этом мир почти восстанавливается. В клинику ты приезжаешь за двадцать минут до первого пациента. Действительно хотела раньше. Получилось как обычно. На ресепшене администратор удивляется:

— Вы сегодня?

— Я сегодня.

— Нам сказали, можно перенести ваши записи.

Ты сразу понимаешь откуда.

— Кто сказал?

Администратор смотрит в монитор.

— Руководство.

— Какое именно?

Она пожимает плечами.

— Новое.

— Ничего не переносим.

— Хорошо.

— И если ещё будут менять мой график, сначала звоните мне.

Администратор смотрит чуть настороженно.

— Конечно.

Ты сразу смягчаешься. Она вообще ни при чём.

— Прости. Не тебе.

— Я понимаю.

Кабинет встречает привычным холодным светом. Ты пе-

реодеваешься. Моешь руки. Проверяешь инструменты. И постепенно внутри всё становится ровнее. Вот почему работа нужна тебе не только ради денег. Здесь мир имеет последовательность. Снимок. Диагноз. План. Согласие пациента. Лечение. Контроль. Не всегда получается идеально.

Но хотя бы существует структура. Первый пациент опаздывает на двенадцать минут и потом раздражённо спрашивает, почему ему придётся ждать. Это возвращает тебя в реальность окончательно. К одиннадцати ты уже почти не думаешь о больнице. К двенадцати вообще перестаёшь. В половине первого Нина закрывает за пациентом дверь и говорит:

— Теперь можно спросить?

— Что?

— Отец как?

Ты киваешь.

— Лучше. Выпишут.

— Хорошо.

Она не расспрашивает. Любишь людей за это больше, чем показываешь.

— И ещё.

— Что?

Нина делает загадочное лицо.

— Тебя ждут.

— Кто?

— Красивый мужчина.

Ты мгновенно думаешь не о том мужчине. И злишься.

— Какой?

Нина улыбается.

— Так я и знала.

— Что знала?

— Что надо уточнять.

— Нина.

Она смеётся.

— Даниил. В комнате персонала.

Ты чувствуешь облегчение. И почему-то маленькое разочарование. Это уже совсем плохо.

— Скажи, что я занята.

— Он сказал, что подождёт.

— Пусть.

Нина выходит. Ты открываешь карту следующего пациента. Читаешь две строчки. Не понимаешь ни одной. Марк вчера написал ночью. Сегодня не написал. Конечно не написал. У него компания. Проекты. Ты сотрудник клиники, в которую он инвестирует. Почему вообще должен писать? И почему ты думаешь об этом? Ты закрываешь карту.

— Господи.

Нина заглядывает обратно.

— Что?

— Не тебе.

Даниил ждёт с двумя стаканами.

— Это становится привычкой, — говоришь.

— Хорошие вещи должны становиться привычкой.

— Кофеин — наркотик.

— Я про меня.

Ты садишься напротив.

— Самооценка у тебя стабильная.

— Я работаю над ней много лет.

Он придвигает стакан.

— Как отец?

— Лучше.

— Точно?

— Да.

— Хорошо.

И всё. Нет попытки превратить вчерашнюю помощь в повод стать ближе. Не напоминает, что отвёз тебя. Не ждёт благодарности. Это тебе нравится. Даниил достаёт телефон.

— Так.

— Что?

— Мы вчера не закончили разговор.

Ты сразу понимаешь.

— Какой?

— Ты прекрасно помнишь.

— Я много разговариваю.

— Я собирался пригласить тебя.

Ты отпиваешь кофе.

— И?

— И нас прервал твой отец.

— Не специально.

— Надеюсь.

Ты улыбаешься. Даниил смотрит уже без обычной игры.

— Сегодня вечером.

Не: *может быть когда-нибудь.*

Не: *мы все куда-то идём.*

— Куда?

— Ужин.

— Это свидание?

Он думает.

— Если скажешь нет, назову ужином коллег.

— Удобно.

— Я предусмотрительный.

— А если скажу да?

— Тогда свидание.

Ты смотришь на него. Знакомый человек. Знакомый голос. Ты видела его сонным. Злым после тяжёлой операции. Видела, как он спорит с лабораторией из-за плохо сделанной конструкции. Как успокаивает пациента. Как матерится, когда уверен, что дети не слышат. С ним нет неизвестности. Вернее, меньше. И, может быть, именно поэтому сказать «да» легче.

— Хорошо.

Он не сразу реагирует. Как будто ожидал больше сопротивления.

— Хорошо?

— Да.

— Это «да»?

— Даниил, если ты сейчас заставишь меня повторить третий раз, я передумаю.

Он улыбается.

— В восемь.

— Где?

— Напишу.

Он встаёт. Потом наклоняется ближе к столу.

— И это точно свидание.

— Ты уже сказал.

— Проверяю, чтобы вечером не было истории «я думала, мы просто коллеги».

— Я не настолько наивная.

Его взгляд задерживается.

— Я знаю.

Вот эта фраза касается сильнее, чем должна. Он уходит. Ты смотришь вслед. Нормально. Вот и всё. Молодая женщина идёт на свидание с мужчиной, который ей нравится. Ничего сложного. Через час Марк появляется в клинике. Конечно. Ты узнаёшь не сразу. Сначала слышишь голос в коридоре. Дверь кабинета приоткрыта.

Ты работаешь с пациентом. Не можешь посмотреть. И всё равно тело узнаёт голос раньше, чем успеваешь решить, хочешь ли.

— Ещё немного, — говоришь пациенту.

Работаешь. Не отвлекаешься. Голос становится ближе. Потом уходит. Почему-то возникает странное желание закончить быстрее. Ты тут же заставляешь себя замедлиться. Нет. Пациент не виноват в твоей идиотской нервной системе. Заканчиваешь как положено. Объясняешь. Проверяешь прикус. Даёшь рекомендации. Пациент уходит.

Ты снимаешь перчатки. И не выходишь. Специально. Через минуту дверь открывается. Ева.

— Можно?

Ты поворачиваешься.

— Конечно.

Сегодня она в тёмно-синем костюме. В руках планшет. На близком расстоянии Ева ещё красивее, чем показалось на совещании. Но не той красотой, которая требует внимания. Скорее всё в ней настолько собрано, что хочется смотреть.

— Я Ева Соколова.

— Я помню вас с собрания.

— А я вас.

Улыбка мягкая.

— Кажется, вас теперь сложно не запомнить.

Ты настораживаешься. Она сразу:

— Это комплимент.

— Тогда спасибо.

Ева показывает планшет.

— Я собираю обратную связь по программе обучения. Мне сказали, вы интересовались курсом.

— Да.

— Можно пару вопросов?

— Конечно.

Она садится на стул пациента. Ты почти смеёшься.

— Лучше сюда.

Показываешь обычный стул.

— Почему?

— На этом люди обычно нервничают.

Ева пересаживается.

— Учту.

Разговор оказывается нормальным. Очень. Ева не давит. Не продаёт программу. Спрашивает, насколько курс полезен. Есть ли другие специалисты, которым интересно. Какие направления клиника могла бы финансировать. Ты отвечаешь честно.

— Мне нравится, что вы спрашиваете врачей до того, как утверждать программу.

Ева улыбается.

— Это моя идея.

— А не Марка?

Она чуть наклоняет голову.

— Марк быстрее принимает решения.

В голосе тепло. Не служебное. Ты замечаешь.

— А вы потом исправляете?

— Иногда.

Улыбка.

— Только ему не говорите.

Тебе Ева нравится ещё больше.

— Давно работаете вместе?

— Семь лет.

— Много.

— Почти с самого начала.

Вот оно. История. Ева говорит это просто, но внутри фразы есть принадлежность. Не романтическая обязательно. Скорее:

я была там, когда всего этого ещё не было.

Ты прекрасно понимаешь такую гордость.

— Значит, вы пережили самое тяжёлое.

— Несколько раз.

Она смеётся.

— С Марком иначе не бывает.

Ты хочешь спросить что-то ещё. Не знаешь зачем. Например: *какой он вне работы?*

Вопрос появляется настолько быстро, что ты почти пугаешься. Нет. Не твоё дело. Ева убирает планшет.

— Кстати, надеюсь, ваш отец лучше.

Ты замираешь.

— Откуда вы знаете?

— Вчера пришлось перестраивать график, информация дошла до нас.

Рационально.

— Да, лучше. Спасибо.

— Хорошо.

Потом Ева добавляет:

— Марк иногда слишком быстро вмешивается. Не воспринимайте это как попытку командовать лично вами.

Ты смотришь внимательнее.

— А как воспринимать?

Она улыбается.

— Как профессиональную деформацию.

— У бизнесменов тоже бывает?

— Особенно.

Вы смеётесь. Ева встаёт.

— Если по программе будут вопросы, пишите мне напрямую.

Даёт визитку.

— Спасибо.

У двери останавливается.

— И не позволяйте ему пугать вас.

Ты невольно:

— Он меня не пугает.

Ева смотрит секунду. Очень быстро. Но что-то в её глазах меняется. Потом снова улыбка.

— Тем лучше.

Она выходит. Ты остаёшься с визиткой. Почему тебе вдруг кажется, что сказала что-то не то? Через пару минут в кабинете появляется Марк. Как будто они работают по очереди.

— Сегодня у вас приёмная? — спрашиваешь.

Он смотрит на закрывающуюся дверь, за которой исчезла Ева.

— Она была здесь?

— Только что.

— По обучению?

— Да.

Марк кивает. На нём сегодня не костюм. Тёмные брюки. Светлая рубашка. Пальто в руке. Без пиджака он выглядит моложе. И почему-то сильнее. Ты сразу замечаешь. Конечно.

— Отец как?

— Лучше.

— Выписали?

— После обеда.

— Хорошо.

Опять это слово.

— И я сегодня работаю полную смену.

Он смотрит.

— Вижу.

— И выжила.

— Пока день не закончился.

Ты почти улыбаешься.

— Зачем пришли?

— К вам?

— В клинику.

— Осмотр помещений.

Конечно. Ты чувствуешь себя глупо. Он замечает? Если да — никак не показывает.

— Ещё что-нибудь?

Спрашивает.

— Нет.

Марк кивает. Поворачивается. И тут ты сама:

— Программа хорошая.

Он останавливается.

— Какая?

— Обучения.

— Ева составляла.

— Я знаю.

Почему-то говоришь слишком быстро.

— Условия нормальные.

— Отлично.

— Я, наверное, подам заявку.

— Подавайте.

Ни: *я устрою.*

Ни: *вам одобряют.*

Просто: *подавайте.*

Тебе нравится. Марк смотрит на часы.

— Ещё что-то?

В этот раз есть ощущение, что он специально повторяет.

— Нет.

— Тогда до встречи.

Он уходит. И снова не спрашивает второй раз. Ты по-

что ненавидишь эту привычку. Вечером Даниил присылает адрес. Ресторан не слишком дорогой. И не демонстративно модный. Хорошее место. Ты была там с подругами. Стоишь перед шкафом минут пятнадцать. И раздражаешься. Потому что обычно одежда — простая задача.

Работа: форма. Подруги: джинсы. Родители: что угодно, всё равно мать скажет:

— Тебе не холодно?

Свидание сложнее. Не хочется выглядеть так, будто старалась. Но хочется выглядеть хорошо. Что является отдельной формой старания. Ты выбираешь чёрное платье. Слишком? Снимаешь. Джинсы и рубашка. Слишком обычно. Снимаешь. Через двадцать минут снова надеваешь первое платье. Строишь в зеркало. Нормально.

Простое. До колен. Ничего вызывающего. И всё равно впервые за долгое время тебе нравится собственное отражение не как:

врач выглядит аккуратно.

Не как: *дочь нормально выглядит.*

Просто женщина. Телефон звонит. Ты закатываешь глаза.

— Только не мама.

Мира.

— Что?

— Ты где?

— Дома.

— Что делаешь?

— Собираюсь.

— Куда?

Ты улыбаешься.

— На свидание.

Крик. Настоящий. Приходится отодвинуть телефон.

— С кем?!

— Угадай.

— Воронцов?!

Ты замираешь.

— Почему Воронцов?

Мира тоже замолкает.

— Не знаю.

— Просто первое, что пришло.

Почему ей тоже?

— С Даниилом.

— А-а-а.

В её голосе почему-то меньше восторга.

— Что значит «а-а-а»?

— Ничего.

— Есть.

— Есть.

— Я думала, будет интереснее.

— Я кладу трубку.

— Нет! Подожди. Я рада.

Ты смеёшься. Мира требует показать платье. Ты переключаешь камеру.

— Хорошо.

— Просто хорошо?

— Очень хорошо.

Потом она становится серьёзнее.

— Слушай.

— Что?

— Вчера я опять...

— Не надо.

Она молчит.

— Я не буду читать лекцию.

— Я знаю.

— Если хочешь Расскажи.

Мира выдыхает.

— Не сейчас.

— Хорошо.

Вот дружба после ссоры. Чуть осторожнее. Но жива. Перед тем как закончить, она говорит:

— И если переспишь с хирургом, подробности обязательны.

— До свидания.

— Я художник. Мне нужны детали.

Ты сбрасываешь. Даниил уже ждёт. Без медицинской формы он другой. Ты видела его вне клиники много раз. Но сегодня смотришь иначе. Потому что контекст поменялся. Тёмная рубашка. Часы. Руки. Опять руки. Что с тобой? Он встаёт. И на секунду замолкает. Это нравится.

— Что?

— Ничего.

Ты смотришь. Он исправляется:

— Есть.

Улыбаешься.

— Говори.

— Ты очень красивая.

Просто. Без игры.

— Спасибо.

Он помогает снять пальто. Его пальцы чуть касаются плеча. Тело замечает. Хорошо. Вот так должно быть. Первые полчаса легко. Даже слишком. Вы говорите о работе. Смеётесь над общей знакомой. Обсуждаете курс, который ты хочешь пройти.

— Подашь заявку на оплату?

— Наверное.

— Я тоже думаю.

— Тебе куда?

Он называет хирургический курс.

— Дорого?

— Неприлично.

— Значит, точно полезно.

Потом работа постепенно уходит. Даниил спрашивает:

— Ты всегда хотела стоматологию?

— Нет.

— А что?

— Когда мне было десять, хотела быть археологом.

— Почему?

— Не знаю. Наверное, нравилось копать землю.

— Большая профессиональная эволюция.

— Теперь копаю зубы.

Он смеётся.

— Потом?

— Потом медицина.

— Почему именно стоматология?

Вот вопрос. Ты знаешь стандартный ответ. Но почему-то сегодня не хочется стандартный.

— После смерти брата я поняла, что не хочу специальность, где часто умирают.

Даниил замолкает. Ты сама удивлена, что сказала. Он знает, что брат умер. Не детали.

— Я никогда не спрашивал.

— Я знаю.

— Можно сейчас?

Ты думаешь.

— Немного.

Рассказываешь. Авария. Отец. Мать. Без подробностей. Даниил слушает.

— Тяжело.

Ты почти улыбаешься.

— Великое наблюдение.

— Я сейчас не знаю, что правильно сказать.

Вот хороший ответ.

— Ничего.

Он смотрит. Ты добавляешь:

— В хорошем смысле.

Потом Даниил рассказывает про себя. Оказывается, его родители развелись, когда ему было двенадцать. Отец быстро женился снова. У него есть сводная сестра, которую он почти не видит.

— С отцом общаешься?

— На праздники.

— Злишься?

Он пожимает плечами.

— Раньше.

— А сейчас?

— Сейчас мне всё равно.

Он говорит слишком быстро. Ты замечаешь. Но не лезешь. Вино ты почти не пьёшь. За рулём не сегодня, но всё равно. Даниил тоже. Когда приносят десерт, он спрашивает:

— Можно личный вопрос?

— Ты сегодня купил подписку?

— Один последний.

— Хорошо.

Он смотрит.

— У тебя давно никого не было?

Прямо. Ты могла бы обидеться. Но не хочешь.

— В отношениях?

— Да.

— Полтора года.

— А просто?

Ты поднимаешь бровь.

— Очень личный вопрос.

— Я предупреждал.

Ты отпиваешь воду.

— Несколько месяцев.

Он кивает. Не улыбается. Не делает пошлой шутки.

— А у тебя?

— Отношений давно.

— А просто?

Теперь улыбается.

— Недавно.

Ты неожиданно чувствуешь укол. Смешной. Почему тебе должно быть неприятно? Не должно.

— Насколько недавно?

Он смотрит.

— Вот теперь тебе интересно.

— Уже нет.

— Врёшь.

Ты смеёшься. Это приятно. После ресторана он не предлагает ехать к нему. И тебе нравится. Вы идёте пешком несколько кварталов. Холодно. Ты прячешь руки в карманы. Даниил говорит:

— Я могу вызвать такси.

— Я не замёрзла.

— У тебя нос красный.

— Это не показатель.

Он снимает шарф.

— Даже не начинай.

— Что?

— Отдавать.

— Я ничего не собирался.

Смеётся. На перекрёстке ждёте зелёный. Даниил стоит рядом. Очень близко. Ты чувствуешь его плечо. Машины. Свет. Холодный воздух. Он смотрит на тебя. Ты понимаешь раньше, чем происходит. Вот сейчас. Он наклоняется. Не резко. Даёт время. Ты можешь отступить. Не отступаешь. Поцелуй короткий. Тёплый. Без театра.

И очень хороший. Вот в чём проблема. Даниил умеет целоваться. Конечно умеет. Ты почти улыбаешься ему в губы. Он чувствует. Отступает на сантиметр.

— Что?

— Ничего.

Он смотрит. Ты смеёшься.

— Есть.

— И?

— Ты слишком доволен собой.

Он улыбается.

— Есть причина.

И целует снова. На этот раз дольше. Ты кладёшь ладонь

ему на грудь. Не чтобы оттолкнуть. Просто куда-то нужно положить руку. Он касается твоей талии. Осторожно. Тело отзывается сразу. Без философии. Без анализа. Тебе нравится. Очень. И на секунду ты понимаешь, насколько давно никто к тебе так не прикасался.

Не медицински. Не случайно. Не по-дружески. Просто потому что хочет. Ты тоже хочешь. Потом телефон вибрирует в кармане. Даниил не отходит.

— Не бери.

Ты смеёшься.

— А если больница?

Достаёшь. Не больница. Рабочая почта. Экран загорается.

Вверху уведомление: *М. Воронцов: «По вашей заявке...»*

Ты замираешь всего на мгновение. Но Даниил замечает.

— Он?

Ты сразу убираешь телефон.

— Рабочее.

— Воронцов?

В голосе что-то появляется. Совсем немного.

— Да.

— Он пишет тебе вечером?

— По программе обучения.

Даниил кивает.

— Удобно.

— Что удобно?

— Ничего.

Ты смотришь.

— Есть?

Он улыбается. Но теперь улыбка чуть другая.

— Есть.

— Говори.

— Не сегодня.

Тебе не нравится.

— Даниил.

— Мы хорошо проводим вечер.

— И?

— Не хочу портить.

Красиво. Но ты чувствуешь: что-то спрятано.

— Хорошо.

Он снова касается твоей руки. Но момент уже чуть изменился. Не исчез. Просто в комнату, которой физически нет, как будто вошёл третий человек. И это бесит. Потому что Марка здесь нет. Он отправил рабочее письмо. Даже не сообщение. Даниил провожает тебя до дома. У подъезда снова целует.

— Зайдёшь? — спрашиваешь сама.

Вопрос вырывается быстрее, чем ожидала. Он смотрит. Теперь ты видишь желание совершенно ясно.

— Хочешь?

Ты тоже не знаешь. Тело — да. Голова... Не против. Но и не уверена.

— На чай, — говоришь.

Он улыбается.

— Конечно.

Вы оба знаете, что чай может означать чай. А может не означать. В лифте тесно. Слишком. Даниил стоит рядом. Не касается. Ты ловишь себя на мысли, что хочешь, чтобы коснулся. Двери открываются. Вы входите в квартиру. Он оглядывается.

— Красиво.

— Маленькая.

— Я не сказал большая.

Ты снимаешь пальто. Даниил подходит ближе. Теперь не нужно ждать светофора. Никаких людей. Его ладонь ложится на твою талию. Поцелуй снова. Ты отвечаешь. Тепло быстро становится сильнее. Он целует тебя в шею. Ты закрываешь глаза. И именно в этот момент в голове появляется совершенно чужое лицо. Марк.

Не воспоминание даже. Короткая вспышка. Его спокойный взгляд. Ты открываешь глаза. Резко. Даниил чувствует. Останавливается.

— Что?

Ты ненавидишь себя.

— Ничего.

Он смотрит. Твоё собственное слово звучит особенно мерзко.

— Есть, — исправляешься.

Он убирает руки. Не полностью отходит.

— Что?

Что ты скажешь?

Извини, когда ты целовал меня в шею, я на секунду представила мужчину, с которым даже не была на свидании?

Отлично.

— Слишком быстро.

Не совсем ложь. Даниил смотрит внимательно. Потом кивает.

— Хорошо.

И всё. Никакой обиды. Ты почти физически расслабляешься.

— Прости.

— За что?

— Я сама пригласила.

— И?

— А теперь...

— Передумала.

— Да.

— Бывает.

Он говорит это так просто, что хочется обнять его.

— Ты не злишься?

— Нет.

— Немного расстроился.

Ты смеёшься.

— Это честно.

— Я стараюсь.

Он целует тебя в лоб. Очень неожиданно.

— В следующий раз.

Ты поднимаешь глаза.

— Ты уверен, что будет?

— Нет.

Улыбка.

— Но надеюсь.

После его ухода квартира кажется слишком тихой. Ты идёшь на кухню. Наливаешь воду. И только теперь вспоминаешь письмо. Открываешь.

«Ваша заявка на программу обучения предварительно одобрена. Ева пришлёт формальные условия. Курс начинается раньше, чем указано на сайте — уточнили у организаторов. Если планируете участвовать, заявку нужно отправить до пятницы. М.В.»

Всё. Рабочее. Абсолютно. Ты читаешь второй раз. Потом третий. Не потому что там что-то спрятано. Там ничего. Ты открываешь переписку с Даниилом. Он написал:

«Спасибо за вечер».

Через минуту: *«И не думай слишком много».*

Ты улыбаешься.

Пишешь: «Поздно».

Он: «Я так и знал».

Ты идёшь в душ. Горячая вода. Закрываешь глаза. В памяти возвращается Даниил. Поцелуй. Ладонь. Шея. Тело снова отвечает. И почти сразу поверх этого — Марк. Ты открыва-

ешь глаза.

— Нет.

Сама себе. Но чем сильнее запрещаешь, тем яснее воображение. Не реальный Марк. Ты его почти не знаешь. Твоя версия. Более молчаливая. Более близкая. Без деловой рубашки, цифр, совещаний. Фантазия делает то, что хочет. Тебе одновременно стыдно и смешно. Ты любишь не его. Вообще никого сейчас не любишь.

Ты сходила на хорошее свидание с мужчиной, которого давно знаешь. Целовалась с ним. Хотела его. И всё равно твоя голова решила привести туда другого. Это нелогично. Но желание вообще плохо подчиняется логике. Позже ты лежишь в кровати. Телефон далеко. Специально. Закрываешь глаза. И на этот раз не запрещаешь себе думать.

Сначала Даниил. Потом Марк. Потом вообще какой-то мужчина, которого ты видела утром у кофейни. Высокий. С бородой. Ты даже не знаешь его лица нормально. Воображение собирает людей из деталей. Чужие руки. Знакомый голос. Незнакомое плечо. Ты улыбаешься в темноте. Наверное, Соня права. Фантазия сама по себе ничего не обещает.

Можно хотеть картинку. И не хотеть человека. Можно хотеть человека. И не выбирать его. Можно поцеловать одного. И на секунду представить другого. Неприятная правда. Но правда. Тело постепенно расслабляется. И именно в тот момент, когда мысли становятся особенно тёплыми, раздаётся звонок в дверь. Ты вздрагиваешь.

Смотришь на часы. 00:14. Первое: Даниил вернулся? Сердце ускоряется. Ты встаёшь. Накидываешь халат. Идёшь к двери. Не открываешь. Смотришь в глазок. Пусто.

— Что за...

Телефон вибрирует. Сообщение. Неизвестный номер. Ты открываешь.

«Извините за поздний час. Кажется, оставили это в машине».

Фотография. Твоя папка с документами. Но номер не Даниила. Ты не понимаешь. Потом второе сообщение:

«Водитель привёз. Я попросил оставить у двери».

Подпись: *Марк.*

Ты снова смотришь в глазок. Внизу у двери действительно лежит тонкая папка. Как она оказалась у него? Ты открываешь. Забираешь. На папке маленький стикер:

«Доктор. Постарайтесь не терять документы до начала обучения».

Ты смотришь. Смеёшься. И почти сразу злишься.

Пишешь: *«Откуда это у вас?»*

Ответ через минуту: *«Оставили в машине Евы после вчерашней поездки в больницу? Она сегодня нашла среди документов клиники».*

Ты вспоминаешь. Нет. Ты не ездила с Евой.

«Это не моя папка».

«Тогда не открывайте».

Ты уже открыла. Конечно. Смотришь внутрь. Документы.

Не твои. Имя сверху: *Даниил Рогов*.

Ты замираешь.

Пишешь: «Она Даниила».

Ответ: «Понятно».

И всё. Ты держишь чужую папку посреди квартиры после свидания с её владельцем. Через секунду новое сообщение.

«Почему она у вашей двери — вопрос, который я, пожалуйста, не буду задавать».

Ты открываешь рот. Теперь в тексте есть улыбка.

Пишешь: «И правильно».

Он: «Спокойной ночи».

Ты: «Спокойной ночи».

Потом добавляешь: *«И не придумывайте лишнего».*

Ответ появляется почти сразу.

«Я не спрашиваю дважды. И не додумываю то, что человек может сказать сам».

Ты смотришь на экран. Сердце почему-то снова бьётся чуть быстрее.

Пишешь: «Тогда не спрашивайте».

Долгая пауза.

«Не буду».

И на этом он действительно перестаёт писать. Это почему-то хуже всего. Потому что теперь именно тебе хочется продолжить.

После смены

Утром первая мысль — о чужой папке. Вторая — о том, что ты вчера целовалась с Даниилом. Третья — о Марке. Это уже раздражает. Порядок должен быть другим. Хотя бы из уважения к здравому смыслу. Папка Даниила лежит на кухонном столе. Ты специально положила её подальше от кровати, будто бумажный скоросшиватель способен каким-то образом участвовать в твоей личной жизни.

На обложке ничего интересного. Фамилия. Документы по программе обучения. Копии сертификатов. Ты вчера заглянула внутрь ровно настолько, чтобы понять, кому принадлежит. Дальше не читала. Хотя могла. И любопытство было. Небольшое. Не потому, что надеялась обнаружить тайную переписку. Просто чужие документы всегда создают странное ощущение доступа.

Будто человек случайно оставил незапертой дверь. Но ты закрыла. Телефон показывает семь двенадцать. Два сообщения. Первое от матери:

«Папу сегодня записала к кардиологу на 15:30».

Ты перечитываешь. Конечно. Она не выдержала. Второе от отца: *«Твоя мать решила, что я недееспособный. В три тридцать врач».*

Ты начинаешь смеяться. Пишешь обоим одинаково: *«Идите».*

Мать отвечает сердечком. Отец: *«Предатель».*

Вот так выглядит семейное перемирие. Не разговор. Не

прощение. Кардиолог в три тридцать. Иногда на большее сил нет. От Даниила сообщения нет. Это удивляет. Ты открываешь переписку. Последнее:

«И не думай слишком много».

Ты: «Поздно».

После этого ничего. Нормально. Человек, возможно, спит. У него тоже существует жизнь. Ты напоминаешь себе это совершенно без причины. Марк тоже не писал после полуночи. Это уже вообще не должно занимать место в голове. Ты всё равно на секунду смотришь на его переписку. Последнее:

«Не буду».

Очень раздражающий человек. Даже заканчивает разговор так, будто выигрывает его молчанием. Ты откладываешь телефон. Через десять секунд берёшь снова.

— Всё.

Говоришь вслух. Телефон ничего не отвечает. Очень зрелый собеседник. На работу едешь раньше. Дорога спокойная. В машине играет музыка. Почти хорошее настроение. До момента, когда на парковке видишь Даниила. Он стоит возле своей машины и разговаривает по телефону. Увидев тебя, поднимает руку. Ты парковалась уже сотни раз.

Сегодня почему-то слишком внимательно. Ровно. Не близко ли к линии. Не криво. Как будто мужчина на парковке оценивает твои навыки вождения. Когда выходишь, он уже закончил звонок.

— Доброе утро.

— Доброе.

Секунда. Вчерашний поцелуй стоит между вами. Не мешает. Но существует. Даниил смотрит на папку в твоей руке.

— Это моё?

— Да.

Он удивляется.

— Где ты её нашла?

Ты протягиваешь.

— Мне её ночью привёз водитель Марка.

Даниил не берёт сразу.

— Что?

— Я сама хотела спросить.

Теперь берёт. Открывает. Быстро проверяет.

— Как она вообще оказалась у него?

— У Евы, кажется.

— У Евы?

— Марк написал, что нашли среди документов клиники.

Даниил медленно закрывает папку.

— Интересно.

— Что?

— Ничего.

Ты смотришь.

— Есть.

Он улыбается, но без обычной лёгкости.

— Ты быстро переняла это правило.

— Удобное.

Даниил открывает машину и бросает папку на сиденье.

— Я вчера отдавал копии администратору.

— Значит, перепутали.

— Наверное.

Ты чувствуешь: ему что-то не нравится.

— И?

— Ничего.

— Даниил.

Он закрывает дверь машины.

— Просто не люблю, когда мои документы ездят по городу без меня.

— Разумно.

Вы идёте к входу. Плечом почти рядом.

— Ты нормально доехала? — спрашивает он.

— Да.

— Я хотел написать.

— Почему не написал?

Он смотрит.

— Решил не давить.

Хороший ответ.

— Спасибо.

— Теперь жалею.

— Почему?

— Потому что ты могла решить, что мне всё равно.

Ты улыбаешься.

— Не решила.

Он тоже. И сразу становится легче. Возле дверей клиники он останавливается.

— Про вчера.

Ты уже знаешь.

— Я правда не обиделся.

— Хорошо.

— Но предложение остаётся.

— Какое?

— Следующий раз.

Ты смеёшься.

— Уверенный.

— Надеющийся.

Потом он становится серьёзнее.

— И если следующего раза не будет, тоже нормально.

Тебе нравится Даниил. Снова. Прямо сейчас — очень.

— Хорошо.

— Это «да»?

— Это «посмотрим».

— Уже лучше.

Он открывает дверь. Пропускает тебя. Его ладонь на секунду оказывается у твоей поясницы. Не касается. Только направление. Тело замечает даже отсутствие прикосновения. Прекрасно. Сегодня ты собираешься работать. Просто работать. До обеда почти получается. Сложная реставрация. Контроль. Консультация. Девушка двадцати лет, которая плачет из-за скола переднего зуба и через сорок минут улыбается,

не закрывая рот ладонью.

Вот ради таких моментов ты и выбрала эстетику. Она смотрит в зеркало.

— Его вообще не видно.

Ты улыбаешься.

— В этом идея.

— Как вы так делаете?

Ты могла бы ответить: учёба. материалы. практика. Но на самом деле там ещё очень много страха. Когда восстанавливаешь передний зуб, ты работаешь не только с эмалью. С лицом человека. Его фотографиями. Тем, как он будет улыбаться.

— Долго училась.

— Вы такая молодая.

Вот снова. Но сегодня фраза звучит как восхищение, а не сомнение. И тебе приятно. После пациентки несколько минут сидишь одна. Смотришь на фотографию работы. Сравниваешь до и после. Хорошо. Не идеально. Ты уже видишь, что через год сделала бы немного иначе. Но хорошо. Ты сохраняешь фотографию в профессиональную папку.

Когда-нибудь у тебя будет собственная клиника. Эта мысль приходит часто. Раньше — как фантазия. Теперь всё больше как план. Сколько нужно денег? Помещение. Оборудование. Лицензия. Персонал. Рентген. Материалы. Огромное число. Ты иногда открываешь таблицу. Считаешь. Закрываешь. Потом снова открываешь.

До этого ещё годы. Наверное. Но в твоей голове уже есть кабинет. Не конкретное помещение. Ощущение. Свет. Никакой дешёвой рекламы «улыбка мечты». Никакого давления на врача продать пациенту то, что ему не нужно. Место, где ты сама решаешь, сколько времени нужно на работу. Может быть, поэтому тебя так раздражает Марк.

Он вошёл в клинику с цифрами. А ты слишком хорошо знаешь, что цифры однажды могут решить, сколько минут тебе дадут на чужой зуб. Телефон вибрирует. Ты смотришь. Марк. Не сообщение. Звонок. Почему-то ты сразу выпрямляешься. Смешно. Он тебя не видит. Отвечаешь:

— Да?

— Добрый день.

— Добрый.

— Удобно говорить?

Это неожиданно.

— Пять минут.

— Мне хватит двух.

Ты улыбаешься.

— Вы уверены?

— Проверим.

Он говорит про обучение. Организаторы подтвердили место. Нужно до завтра отправить заявку.

— Мне сказали Еве написать.

— Можно Еве.

— Тогда зачем звоните вы?

— Потому что вспомнил, что вы собирались подаваться.
Просто. Ты не знаешь, что ответить.

— Спасибо.

— Не за что.

И вот он должен закончить. Но не заканчивает. Ты чувствуешь.

— Ещё что-то?

— Да.

— Папка дошла до владельца?

Ты начинаешь смеяться.

— Да.

— Хорошо.

— Вы переживали?

— За документы.

— Конечно.

Теперь, кажется, улыбается он. По голосу слышно.

— И?

— Что «и»?

— Вы хотели что-то спросить вчера.

Ты помнишь.

Почему она у вашей двери — вопрос, который я не буду задавать.

— Нет.

— Точно?

— Вы же сами сказали, что не спрашиваете дважды.

— Хорошая память.

— Профессиональная.

Он молчит секунду.

— Тогда не буду.

Почему-то хочется, чтобы спросил. Это абсолютно нелогично. Ты могла бы сама сказать:

мы были на свидании.

Зачем? Не его дело.

— Хорошо.

— Хорошего дня, доктор.

— Вам тоже.

Звонок заканчивается. Ты смотришь на телефон. Ничего не произошло. Деловой звонок. Почему сердце чуть быстрее? Потому что ты идиотка. Очевидный диагноз. В обеденный перерыв тебя ловит Ева. На этот раз не с планшетом. С кофе.

— У вас пять минут?

— Если никто не придёт с зубной болью.

— Тогда рискнём.

Вы садитесь в небольшой зоне ожидания у служебного коридора. Ева протягивает стакан.

— Я взяла без сахара. Администратор сказала.

Ты принимаешь.

— У вас здесь разведка работает.

— Отличная.

Ты улыбаешься. Ева сегодня выглядит чуть менее официально. Светлый свитер. Юбка. На руке тонкие часы.

— Я хотела извиниться за вчерашнюю историю с папкой.

— Вы ни при чём.

— Формально при чём. Мой ассистент забрал несколько папок после встречи, одна оказалась среди наших бумаг.

— Ничего страшного.

Она кивает.

— Марк сказал, что водитель завезёт.

— В полночь.

Ева улыбается.

— Да. У него своеобразное отношение к незакрытым задачам.

— Он всегда такой?

— Какой?

Ты думаешь.

— Если что-то решил, должно быть сделано сразу.

Ева смотрит чуть дольше.

— Почти.

— Утомительно.

— Очень.

Она улыбается.

— Особенно если работаешь с ним семь лет.

Снова семь лет. Ты почему-то уже запомнила.

— Почему не ушли?

Вопрос прямой. Ева не обижается.

— Уходила.

Вот неожиданно.

— Правда?

— На четыре месяца.

— И вернулись?

— Да.

— Почему?

Ева смотрит в стакан.

— Потому что в другой компании было спокойнее.

Ты ждёшь.

— И скучнее.

Понимаешь её чуть лучше.

— Марк умеет сделать так, что рядом с ним всё время кажется, будто происходит что-то важное, — продолжает она.

— Иногда это правда. Иногда просто его талант создавать кризисы.

Ты смеёшься.

— Он знает, что вы так говорите?

— Знает.

— И терпит?

— Иногда.

Ева отпивает кофе.

— Не думайте, что я вас предупреждаю.

Ты поднимаешь брови.

— А я уже начала думать.

Она улыбается.

— Просто вы смотрите на него так, как люди обычно смотрят в первые недели.

Ты мгновенно напрягаешься.

— Как?

— Как будто пытаетесь решить, он вас раздражает или интересует.

Прямо. Ты чувствуешь жар где-то у шеи. Ненавидишь такие реакции.

— Я врач в клинике. Он инвестор.

— Я знаю.

Ева говорит это спокойно. Слишком спокойно.

— И он меня раздражает.

— Это я уже поняла.

Ты улыбаешься чуть жёстче.

— А остальное вы придумали.

Ева смотрит. И неожиданно говорит:

— Возможно.

Никакого спора. Потом добавляет:

— Простите. Это правда было лишнее.

И вот теперь трудно на неё злиться.

— Всё нормально.

— Хорошо.

Она встаёт.

— Увидимся на встрече по программе.

— До встречи.

Ева делает два шага. Поворачивается.

— И курс хороший. Я бы на вашем месте поехала.

— Вы разбираетесь в стоматологии?

— Нет.

Улыбка.

— Я разбираюсь в людях, которые очень хотят куда-то по-
пасть.

И уходит. Ты сидишь. Странная женщина. Нравится тебе. И одновременно рядом с ней появляется ощущение, будто в разговоре всегда есть ещё один слой. Ты не знаешь, реальный он или придуманный. В три мать пишет:

«Мы у врача».

В три сорок: *«Сказал обследование и таблетки. Ничего срочного».*

В три сорок одну отец: *«Жив».*

Ты отвечаешь: *«Поздравляю».*

Он: *«Спасибо, доктор».*

Ты улыбаешься. Вечером у тебя ещё пять пациентов. Последний — мужчина около тридцати пяти. Новый. Высокий. Хорошо одет. Вежливый. Ты замечаешь его ещё в коридоре. Красивый. Совсем другой тип, чем Даниил. Не такой открытый. И не Марк. Почему мозг сразу сравнил? Хватит. Пациент садится.

— Только не говорите, что будет больно.

— Не буду.

— Значит, будет?

— Я скажу, что мы сделаем всё, чтобы не было.

Он улыбается.

— Дипломатично.

Осмотр. Снимок. Ничего сложного. Но мужчина флиртует. Не навязчиво. Спрашивает, давно ли ты здесь работаешь. Как выбрала профессию.

Потом:

— А вы всегда так внимательно смотрите?

Ты понимаешь.

— Только если мне за это платят.

Он смеётся.

— Жаль.

Нина за спиной кашляет. Ты знаешь этот кашель. Игнорируешь. Пациент записывается на лечение. Уходит. Нина сразу:

— Номер телефона у нас есть.

— Медицинский.

— Он один и тот же.

— Ты хочешь, чтобы меня уволили?

— Я хочу, чтобы у тебя была личная жизнь.

Ты снимаешь маску.

— Она у меня есть.

— Где?

— Это уже оскорбительно.

Нина смеётся.

— А хирург?

Ты смотришь.

— Что хирург?

— Он сегодня три раза заходил.

— По работе.

— Конечно.

— Нина.

— Молчу.

Через десять минут Даниил действительно появляется.

— Закончила?

— Да.

— Ужин?

Ты смотрит на него.

— Сегодня?

— Это проблема?

Нет. Но после вчерашнего кажется быстро. И одновременно приятно.

— Я обещала Море заехать.

На самом деле не обещала. Вот зачем соврала? Даниил кивает.

— Хорошо.

Не ловит.

— Завтра?

Ты думаешь.

— Возможно.

— Запишу как да.

Подходит ближе. В кабинете ещё Нина. Она демонстративно начинает раскладывать инструменты, хотя всё уже разложено. Даниил тихо:

— Можно тебя украсть на минуту?

Ты выходишь в коридор. Там пусто. Он становится перед тобой.

— Вчера я не спросил одну вещь.

— Какую?

— Ты остановилась потому что не хотела меня?

Прямо. Ты чувствуешь, что от ответа многое зависит.

— Нет.

Даниил смотрит.

— Я хотела.

Честно. Его лицо чуть меняется.

— Тогда почему?

Уже сложнее. Ты не скажешь про Марка. Не потому что скрываешь предательство. Его не было. Просто даже произвести это сделает мысль слишком реальной.

— Потому что в тот момент не хотела дальше.

Даниил смотрит несколько секунд. Потом кивает.

— Хорошо.

Ты замечаешь: он не выглядит полностью удовлетворённым ответом. Но принимает.

— И ещё, — говорит он.

— Что?

— Я не собираюсь делать вид, что мне всё равно, если тебе нравится кто-то ещё.

— Кто сказал, что нравится?

— Никто.

— Тогда зачем?

Даниил пожимает плечами.

— Просто чтобы было понятно.

— Что понятно?

— Я хочу тебя.

Очень прямое предложение. Не грубое. Тело реагирует.

Конечно. Он продолжает:

— Не в смысле на один вечер. Хотя и это тоже.

Ты смеёшься от неожиданности.

— Очень романтично.

— Я пытаюсь быть честным.

Потом тише:

— Мне давно нравишься.

Это уже другое. Ты знала. Наверное. Но знать по взглядам и услышать — не одно и то же.

— Давно?

— Несколько месяцев.

— И молчал?

— Я ждал, когда ты перестанешь смотреть на меня как на коллегу.

— И перестала?

Улыбка.

— Вчера в лифте точно.

Ты чувствуешь, как горят щёки.

— Самоуверенный.

— Да.

Даниил делает полшага ближе.

— Можно?

Ты понимаешь, что спрашивает. Киваешь. Он целует. Не так долго, как вчера. Но уже без неожиданности. Ты отвечаешь сразу. Его ладонь касается талии. И на этот раз в голове никого третьего. Это облегчение. Почти смешное. Только Даниил. Его губы. Запах. Тёплая ладонь. Когда вы отходите друг от друга, ты улыбаешься.

— Что?

— Ничего.

Он смотрит. Ты исправляешь:

— Есть.

— И?

— На этот раз всё нормально.

Он смеётся.

— Хорошо.

После клиники ты действительно едешь к Мира. Теперь уже потому что соврала и решила превратить ложь в правду. Поднимаешься без предупреждения. Она открывает через несколько минут. В домашней футболке. Волосы собраны. Глаза красные. Ты сразу понимаешь.

— Он был?

Мира отходит. Тыходишь. На столе два бокала. Один использованный.

— Уехал час назад.

Ты снимаешь куртку. Не говоришь ничего.

Мира:

— Только не начинай.

— Не буду.

Она смотрит подозрительно.

— Правда?

— Правда.

Ты садишься. Мира некоторое время ходит по квартире.

Потом:

— Я сказала ему, что так больше не могу.

Ты молчишь.

— Он сказал, что понимает.

— И?

— Потом мы переспали.

Она сама начинает смеяться. Слезы одновременно.

— Я просто идиотка.

Ты сразу:

— Нет.

— Не надо меня спасать.

— Я не спасаю.

Она садится напротив.

— Я всё понимаю, — говорит. — Вот что самое мерзкое.

Ты слушаешь.

— Я понимаю, что он не уйдёт. Понимаю, что он выбирает удобство. Понимаю, что все его «сложно» уже ничего не значат.

— Тогда почему?

Мира смотрит.

— Потому что когда он здесь, я ему верю.

Это страшнее глупости. Она не не понимает. Она понимает только в отсутствие человека. А рядом с ним тело, надежда и знакомая нежность переписывают выводы. Ты не знаешь, что сказать.

— Соня говорила то же, что ты.

— Что?

— Что я должна смотреть не на то, как он любит меня, когда рядом, а на то, какую жизнь он выбирает, когда уходит. Точная фраза. Очень Соня.

— И?

Мира вытирает щёку.

— Ненавижу психологов.

Ты улыбаешься.

— Она тоже тебя любит.

Мира встаёт. Наливает воду. Потом замечает твоё лицо.

— А ты почему такая?

— Какая?

— Довольная.

Ты сразу:

— Никакая.

Она прищуривается.

— Хирург.

Ты улыбаешься.

— Возможно.

— Вы переспали?

— Нет.

— Почему?

Твой мозг делает одну очень неприятную вещь. Показывает Марка. Опять. Ты берёшь стакан.

— Не захотела дальше.

Мира смотрит.

— Но хотела?

— Да.

— И сегодня?

— Целовались.

Она оживает.

— Отлично.

Потом, несмотря на собственные слёзы:

— По крайней мере у кого-то нормальная жизнь.

Ты смеёшься.

— Ты бы не назвала её нормальной, если бы жила внутри.

— Что случилось?

— Ничего.

Она смотрит.

— Есть.

— Есть.

Ты думаешь. Стоит ли говорить? Мира — та подруга, которой можно рассказать почти всё. Но произнести:

я поцеловала Данила, а представила Марка

кажется ужасно глупым. Поэтому, конечно, говоришь.

Она молчит секунд пять. Потом начинает смеяться.

— Спасибо.

— За что?

— Мне было очень плохо.

Теперь лучше.

— Я рада быть терапевтическим клоуном.

Мира садится ближе.

— Ты серьёзно его представила?

— На секунду.

— Во время?

— Да.

Она снова смеётся.

— Прекрати.

— Не могу.

— Это не смешно.

— Очень смешно.

Потом серьёзнее:

— Тебе Воронцов нравится.

— Нет.

— Хорошо.

Ты смотришь.

— Что значит «хорошо»?

— Ничего.

Ты бросаешь в неё салфетку. Мира ловит.

— Есть.

— Говори.

— Мне кажется, тебе он нравится не так, как Даниил.

— Что это значит?

Она думает.

— Даниил тебе нравится в реальности.

— А Марк?

— В голове.

Это попадает.

— Я его почти не знаю.

— Вот именно.

Мира продолжает:

— Ты можешь придумать ему что угодно.

— Я ничего не придумываю.

Она смотрит.

— Ты буквально представила его вместо другого мужчины.

— Один раз.

— Конечно.

Ты начинаешь раздражаться.

— И что? Я могу фантазировать о ком угодно.

Мира кивает.

— Да.

И всё. Никакой морали. Ты выдыхаешь.

— Просто не путай человека с фантазией, — говорит она.

Очень разумно для женщины, которая полчаса назад объясняла, почему снова поверила женатому мужчине. Ты улыбаешься.

— Ты сейчас серьёзно даёшь мне совет про реальность и

фантазию?

Мира смотрит. Потом тоже смеётся.

— Всё. Уходи.

Домой возвращаешься после одиннадцати. Устала. Но тело почему-то бодрое. Может, поцелуй. Может, кофе. Может, разговоры. Ты переодеваешься. Ложишься. Телефон оставляешь в другой комнате. Специально. Сегодня никто не прервёт. Эта мысль сама по себе смешная. Закрываешь глаза. И разрешаешь себе просто думать.

Без анализа. Сначала Даниил. Легко. Сегодняшний коридор. Его вопрос: *можно?*

Ладонь на талии. Воображение продолжает чуть дальше того, что было в реальности. Не подробно. Скорее ощущениями. Его близость. Тепло. То, как приятно было, что он спросил. Тебе хочется большего. Да. Ты не обязана решать сегодня, когда именно. Мысль становится приятной. Потом, как будто мозг намеренно испытывает терпение, появляется другой мужчина.

Не Марк. Тот сегодняшний пациент. С красивой улыбкой. Ты даже имени не помнишь без карты. И это почему-то забавно. Воображение легко отрывает человека от реальности. Убирает его профессию. Характер. Даже голос можно заменить. Остаётся лицо. Руки. Тело. Через минуту он уже становится кем-то почти вымышленным.

Вот поэтому фантазия безопасна. Она не обязана выдерживать реального человека. Ты улыбаешься в темноте. А по-

том всё-таки Марк. Конечно. Ты даже не сопротивляешься. Посмотрим, что такого мозг в нём нашёл. Первым приходит голос. Не лицо. Спокойный. Низкий. То, как он говорит коротко. Без лишних слов. Потом взгляд.

И в фантазии он ведёт себя совсем не так, как в реальности. Ближе. Менее вежливо. Уверенность, которая в клинике тебя раздражает, здесь почему-то становится именно тем, что притягивает. Потому что в фантазии ты можешь отдать контроль и знать, что в любой момент заберёшь обратно. Тут нет риска. Нет бизнеса.

Нет реального мужчины. Только твоя голова. И именно поэтому тебе становится жарко. Ты закрываешь глаза сильнее, будто это имеет смысл. Воображение продолжает. Марк подходит. Ты не отступаешь. И впервые позволяешь фантазии зайти дальше поцелуя. Без деталей. Но достаточно, чтобы дыхание изменилось. Ты почти злишься на него, хотя человек вообще не знает, что существует в твоей спальне в воображаемом виде.

Абсурд. И именно в этот момент кто-то начинает звонить в домофон. Ты открываешь глаза. Нет. Звонок снова.

— Вы издеваетесь.

Смотришь на часы. 23:48. Домофон третий раз. Ты встаёшь. Подходишь.

— Да?

Мужской голос:

— Доставка.

— Я ничего не заказывала.

— Квартира сорок семь?

— Да.

— Тогда вам.

Ты смотришь на панель.

— От кого?

— Здесь компания указана.

Он называет клинику. Теперь непонятно.

— Поднимайтесь.

Через несколько минут у тебя коробка. Небольшая. Внутри профессиональная литература. Два дорогих стоматологических атласа, которые ты пару месяцев назад смотрела в интернете и решила пока не покупать. Сверху карточка.

«Материалы к курсу. Предоставляются участникам программы. Е.С.»

Ева. Ты смеёшься. Конечно. Не Марк. Почему вообще первой была такая мысль? Ты открываешь один атлас. Новый запах бумаги. Очень красивые фотографии работ. И возбуждение исчезает окончательно, сменившись профессиональным восторгом. Вот твоя реальная любовь. Зубы. Пишешь Еве:

«Получила книги. Спасибо. Они остаются у меня?»

Ответ почти сразу: *«Если пройдёте курс — да. Если передумаете, придётся отдать. Мотивация :)»*

Ты улыбаешься.

«Тогда не отдам».

Ева: «На это и рассчитываю».

И следом: «Извините, что так поздно. Курьер задержался».

«Ничего страшного».

Ты уже собираешься убрать телефон. Но приходит ещё одно сообщение. От Марка.

«Книги дошли?»

Ты буквально смотришь на экран несколько секунд. Вот как? Ева отправила. Марк проверяет.

Ты: «Да».

Он: «Хорошо».

Конечно.

Ты: «Вы всегда проверяете доставку учебников сотрудникам почти в полночь?»

Ответ: «Нет».

Сердце делает совершенно ненужную вещь. Ты ждёшь продолжения. Нет. Через минуту пишешь:

«Почему тогда сейчас?»

Отправила. И сразу жалеешь. Слишком прямой вопрос. Три точки появляются. Исчезают. Снова. Наконец:

«Потому что Ева сказала, что курьер не мог до вас дозвониться. Я вспомнил, что вы вчера тоже были дома поздно, и решил проверить».

Практично. Логично. Ты чувствуешь себя полной дурой. Потом ещё сообщение: *«Это плохой ответ?»*

Ты улыбаешься.

«Нормальный».

Он: «Тогда спокойной ночи».

Ты: «Спокойной ночи».

И снова всё. Ты возвращаешься в кровать. Настроение для прежней фантазии исчезло. И хорошо. Берёшь атлас. Начинаешь читать. Через двадцать минут приходит сообщение от Даниила:

«Не спишь?»

Ты: «Нет».

Он: «Я тоже».

«Можно приехать?»

Ты смотришь на экран. Тело вспоминает поцелуй быстрее головы. Можно. Хочешь? Наверное. Но почти полночь. Завтра работа. И ещё что-то. Непонятное. Ты пишешь:

«Сегодня нет».

Ответ сразу: *«Хорошо».*

Через минуту: *«Я всё равно рад, что спросил».*

Ты улыбаешься.

«Я тоже».

Он: «Спокойной ночи».

Снова эти слова. Сегодня все мужчины решили укладывать тебя спать. Ты кладёшь телефон. И на этот раз действительно спишь. Следующие несколько дней внешне ничего не происходит. Именно поэтому внутри происходит слишком много. Даниил ведёт себя нормально. Улыбается. Кофе. Работа. Иногда касается плечом.

Один раз целует тебя в пустой лестничной клетке между этажами. Быстро. Ты весь день потом улыбаешься без причины. Марк появляется в клинике дважды. Оба раза занят. Первый — проходит по коридору, разговаривая по телефону. Кивает тебе. Только кивает. Ты почему-то думаешь об этом следующие десять минут.

Второй раз он с Евой и ещё несколькими людьми осматривает будущие помещения. Ты видишь их через стекло. Ева что-то объясняет. Марк наклоняется над планом. Они стоят близко. Очень естественно. Не романтически. Но видно: люди привыкли быть рядом. Она касается его предплечья, показывая что-то на листе. Совершенно деловой жест.

Тебе неприятно. Это настолько нелепо, что ты буквально отворачиваешься от окна.

— Что? — спрашивает Нина.

— Ничего.

Она смотрит.

— Есть.

— Нет.

Впервые нарушаешь правило. Потому что говорить вслух совсем глупо. В пятницу приходит подтверждение курса. Ты принята. Смотришь письмо несколько раз. Семьдесят процентов оплачивает клиника. Тридцать — ты. Это уже возможно. Ты буквально хочешь вскочить. Первой пишешь в чат подруг.

«МЕНЯ ВЗЯЛИ»

Мира: «КУДА»

Лера: «В ЗАЛОЖНИКИ?»

Соня: «На курс?»

Ты: «ДА»

Мира: «Я ничего не понимаю, но поздравляю».

Лера: «Теперь будешь ещё дорожке чинить зубы?»

Ты смеёшься. Потом пишешь родителям. Мать звонит мгновенно. Гордость слышна даже через телефон.

— Я же знала.

Не знала. Но пусть. Отец пишет: «Молодец. Сколько доплачивать?»

Вот его любовь. Сразу деньги.

Ты: «Нисколько. Я сама».

Он: «Я не спрашивал, можешь ли сама».

Ты смотришь. Очень отец.

Пишешь: «Если понадобится — скажу».

«Договорились».

Это уже новое. Раньше он просто перевёл бы. Даниил узнаёт от общего письма. Заходит.

— Поздравляю.

Обнимает. Прямо в кабинете. Тёплый. Знакомый.

— Тебя тоже?

— Да.

— Значит, едем вместе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.